

Диана Карабегович

ЗАПИСКИ ИЗ КОЛЫБЕЛИ СОЛНЦА

Северная Корея
глазами иностранки

Диана Карабегович
Записки из Колыбели
солнца: Северная Корея
глазами иностранки

<https://litres.ru/73602771>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два месяца - в информационном вакууме. Никакого интернета. Никаких лишних новостей. Два месяца - в самой закрытой стране мира.

Новые друзья, интересные происшествия, беззаботная студенческая жизнь и, конечно же, влюбленность - все это достойно того, чтобы рассказать. Рассказать о Северной Корее - загадочной, красивой, неповторимой. О стране, застывшей в своей эпохе самобытности.

Эта книга погрузит в мир КНДР настолько глубоко, что не захочется возвращаться из путешествия в Колыбель солнца.

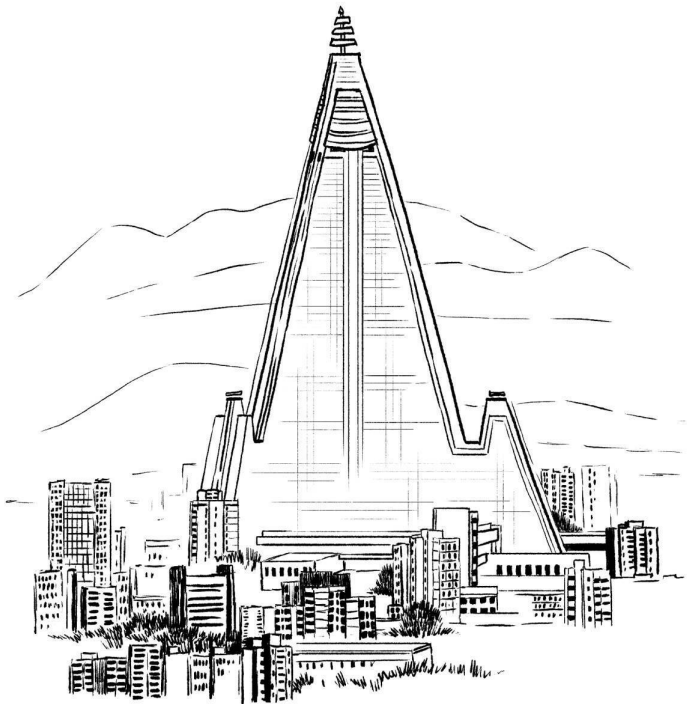
Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Диана Карабегович Записки из Колыбели солнца: Северная Корея глазами иностранки

Эта книга – художественное произведение, основанное на реальных событиях. Некоторые имена и персонажи являются плодом авторской фантазии. Любое сходство с реальными людьми, живущими или умершими, является случайным.

###. –

*За 10 лет меняются даже реки и горы. – Северокорейская
пословица*

Пролог

Тёплое летнее солнце медленно уходило за горизонт, отбрасывая густые красные лучи на маленькое окошко самолёта, по которому стекали остатки недавно прошедшего дождя.

Кап-кап-кап.

Лёгкий ветерок раскачивал разноцветные флаги, развевающиеся на массивных флагштоках около здания аэропорта. Издалека казалось, будто они попали в замедленную съёмку: то замирали, то снова плавно начинали подниматься.

Один из последних лучей заходящего солнца упал на окно, обволакивая его нежным розовым цветом, задержался на мгновение, словно прощаясь с ослабевающим теплом, и исчез.

Так повелось, что особенные для нас моменты и воспоминания всегда ассоциируются с чем-то определённым: запах, цвет, близкий человек или обычный предмет, находящийся в эту минуту у нас перед глазами.

Например, чудесным теплом для меня были наполнены воспоминания из детства.

На дворе конец августа. Мы с мамой, держась за руки, идём в магазин, чтобы купить канцелярию к новому учебному году, а в воздухе стоит запах уходящего лета и приближающейся сентябрьской прохлады.

Другое воспоминание: движущийся в темноте поезд, в котором сижу я. Передо мной разложены учебники корейского. Не перестаю учиться даже в дороге, потому что скоро важный экзамен. На столике скучает любимый сэндвич

с лососем, рядом – горка цветных ручек и маркеров.

Несмотря на кажущуюся обыденность, именно такие моменты остаются в памяти навсегда: вроде и совсем простые для кого-то, но до боли дорогие сердцу. Интересно, с какими ассоциациями будет связана поездка, которая мне предстоит сейчас?

Сложно представить, что тебя ждёт дальше, если ты находишься в шаге от того, чтобы оказаться в совершенно ином мире. В тот момент я никак не могла сосредоточиться на размышлениях о будущем. Мысли постоянно возвращались к родному дому, к семье. Удивительная штука – человеческие чувства. Я попрощалась с родителями всего пару часов назад, а сердце уже разрывалось от тоски.

Я вздохнула и отвела взгляд от резко потускневшего иллюминатора. Прошлый закат я встретила дома, вместе с родными, а теперь даже не представляю, когда получится с ними снова связаться. И получится ли вообще? Не зря говорят, что жизнь порой совершает самые причудливые кульбиты. Один такой поворот – и вот я, восемнадцатилетняя девочка, стою на белом трапе самолёта с тяжёлым рюкзаком наперевес.

Тот день во многом перевернул мою жизнь и ознаменовал начало одного из самых невероятных и незабываемых приключений – целых два месяца в самой неоднозначной и неизведанной стране мира.

Пройдём этот путь вместе, и я расскажу вам, каково это: жить в самом закрытом государстве на свете – в КНДР. Или

просто – в Северной Корее.

Часть 1. О воде и заходящем солнце

Вы когда-нибудь задавались вопросом, что чувствует человек перед тем, как прыгнуть с парашютом или скатиться вниз с самых высоких американских горок? С одной стороны, безусловно, страх. С другой – волнительный трепет и предвкушение.

Примерно таковыми были мои мысли, когда я узнала, что мне предстоит прожить два месяца в КНДР: боязнь неопределённости и одновременно предвкушение в ожидании нового, поистине уникального опыта, получить который выпадает шанс далеко не каждому. Кто бы мог подумать – буквально несколько лет назад! – что долгий путь упорного изучения корейского юной первокурсницей в конечном итоге приведёт её в Северную Корею?

Это государство по праву считается самым закрытым в мире. Попасть в него иностранцу – как достать звезду с неба. Однако россиянам отправиться в КНДР до начала пандемии коронавируса было вполне возможно. В то время туда ездили малочисленные туристические группы, а студентов, изучающих корейский язык, отправляли на учебные стажировки при наличии соответствующей договорённости у университетов обеих стран.

Когда мой вуз получил предложение поехать студентам по обмену в Северную Корею, не могу сказать, что это стало полной неожиданностью. Но к такой возможности в жизни,

которая сваливается тебе на голову, никогда не бываешь полностью подготовленным.

К тому моменту я изучала корейский три полных года (два года на курсах редких языков в МГИМО и год – уже будучи студенткой), но разговорной практики имела немного.

Обычно в нашем вузе студенты с высоким учебным рейтингом могли посетить Северную Корею по обмену после первого или второго курса. В этот раз преподаватели решили отправить нашу группу после первого года обучения. Проблем с оценками у меня не было, поэтому, вызвав на личную беседу, профессор просто спросил, хочу ли я поехать туда.

Студенты от нашего университета отправлялись на подобные стажировки каждый год, семья поддержала меня, поэтому никаких сомнений у меня не было.

Стоит ли говорить, что я, не раздумывая, согласилась?

После прибытия в московский аэропорт последовало болезненное прощание с родителями. Никогда не любила прощаться – у меня это всегда получалось максимально плохо. В горле стоял ком, а на глазах выступали предательские слёзы.

Нас предупредили заранее, что ни связи, ни интернета на протяжении двух месяцев не будет, и от мысли, что даже передать друг другу весточку не получится, становилось ещё тоскливей.

Родители помогли мне погрузить два тяжёлых чемодана на ленту у стойки регистрации (никогда не знаешь, что может понадобиться в самой закрытой стране мира, поэтому

мои чемоданы были набиты доверху всем подряд: от постельного белья до шоколадок и электрического чайника). Едва сдерживая слёзы, я обняла маму с папой, попрощалась и поспешила в зелёную зону, чтобы окончательно не разреветься.

Летели мы с несколькими одноклассниками по университету авиакомпанией Air China с непродолжительной пересадкой в Пекине. Ещё на стойках регистрации нас прижала к стене огромная группа громогласных китайских туристов с бесчисленным количеством чемоданов и вещей наперевес. Почему-то они были недовольны всем на свете – даже тем, что у нас «слишком большая группа – *илэвэн пипл!*» (одиннадцать человек). Для них это считалось перебором; негоже так ездить (учитывая то, что сказавший это китаец сам состоял в группе из как минимум двадцати человек), и вообще какие-то мы подозрительные, о чём явственно говорили не очень доброжелательные взгляды восточных товарищей.

Шумная компания оказалась перед нами и на таможенном досмотре. Их было много, поэтому привычные формальности они проходили медленно и успели всем порядком поднадоесть. Помимо этого, один из моих попутчиков вызвал сомнение у таможенного работника, и последний решил досконально изучить содержимое его рюкзака, предварительно попросив выпотрошить всё на стойку.

В итоге (спасибо очередям!) время до рейса прошло быстро, так как из-за затянувшегося досмотра сидеть в аэропорту

или ходить по магазинам не осталось ни минуты.

Нихао. Ещё раз *нихао.*

И вот мы находимся уже на борту самолёта до Пекина, а со всех сторон нас окружают китайские товарищи, спешащие на родину и достающие свой внушительный арсенал: тапочки (почти у всех одинаковые, с тёмно-синим узором), подушки для путешествий (почему-то у каждого – ярко-розового цвета).

Соседом справа от нас оказался пожилой китаец – мужчина глубоко за пятьдесят с двумя такими «гламурными» подушками, одну из которых он надел на шею словно ожерелье, а другую держал на коленях – вдруг первая сдуется? Нет, ну мало ли.

Его спутница, немолодая китайка в белой треуголке, подобно той, что носят в турецкой бане, бодренько делала зарядку, размахивая руками в обе стороны, пока стюардессе, уставшей от бесконечных замечаний, не пришлось насильно усадить её на место: женщина, вообще-то тут самолёт взлетает, а вы всё руками машете.

Наконец пожилая дама с недовольной миной вернулась на место, а самолёт выехал на посадочную полосу и взлетел, откинув всех на спинки сидений.

Я снова посмотрела в иллюминатор: земля убегала всё дальше и дальше до тех пор, пока высотные дома не превратились в маленькие точки, а затем и вовсе исчезли из виду; на душе было немного грустно и тоскливо. Я подумала

про родителей: наверное, они уже вернулись домой. От этой мысли глаза снова оказались на мокром месте, к горлу подступил ком, и я поспешно отвернулась от окна.

Лететь предстояло около шести часов, и так как мы вылетели уже после заката, почти сразу все в салоне начали готовиться ко сну, а кто-то (например, молодой мужчина сзади меня) уже сладко похрапывал через полуоткрытый рот.

Спать мне хотелось не особо, в крови бурлил адреналин от предстоящих перелётов, поэтому я решила порассматривать пассажиров, сидящих вокруг. И ни капли не пожалела, потому что это было гораздо интереснее фильмов, которые предлагали к просмотру на бортовом мониторе.

Мой китайский сосед по-прежнему не желал делиться подушкой со своей спутницей. Он упрямо держал её у себя на коленях и не отпускал ни на секунду (к вашему сведению, первое «ожерелье» всё так же болталось у него на шее).

Где-то в середине полёта, изъёрзав всё кресло вдоль и поперёк и, судя по всему, осознав, что его попытки удобно устроиться потерпели фиаско, он смилостивился и со вздохом отдал розовый валик китайке, которая за ненадобностью быстренько отложила его в сторону и бодро замаршировала по салону, так и не сняв свой банный головной убор.

Когда стюардессы принесли еду (стандартный набор – говядина/рыба с рисом), китайцы достали свою провизию (в основном какие-то сладости в яркой обертке; у некоторых были сэндвичи) и подчистили не только все принесённые

контейнеры, но и собственные упаковки.

У меня, напротив, от первого же куска говядины, которая по вкусу и консистенции напомнила хлеб с переваренной картошкой, совсем пропал аппетит, поэтому я обречённо пожевала пустую булочку и поковыряла вилкой маленький десерт в виде ванильного пудинга.

Никогда не любила еду в самолётах. К тому же обычно меня мутит в транспорте, поэтому я всегда принимаю таблетки от укачивания и с опаской отношусь к любым запахам и еде в дороге. По опыту знаю, что лучше разок недоесть, чем переесть и провести перелёт в обнимку с биоунитазом.

После ужина свет в салоне приглушили, но сна у меня не было ни в одном глазу. Я покосилась на Катю – сидящую рядом со мной одноклассницу. Нам предстояло жить вместе ближайшие два месяца, если повезёт и дадут двухместную, а не четырёхместную комнату в общежитии.

Катя и я во многом были противоположностями не только внешне, но и по характеру. Она светловолосая и совсем маленького роста, а я брюнетка и на голову выше.

Катя посвящала всё свободное время учёбе; я училась прилежно, но не забывала и про свои хобби: чтение книг и просмотр южнокорейских дорам (которые я предусмотрительно не стала закачивать себе на планшет из-за возможных проблем на северокорейской таможне). В общем и целом, мы с ней особо никогда не общались достаточно близко, но, поскольку обе были бесконфликтными, то в нужный

момент могли найти компромисс и поэтому прекрасно подходили друг другу в качестве соседок по комнате.

Катя смотрела какой-то мюзикл на бортовом мониторе и выглядела довольно расстроенной. Ей тоже нелегко далось прощание с семьёй, поэтому я не стала пытаться развеселить её разговорами – у самой на душе до сих пор кошки скребли.

Все пассажиры устроились поудобнее, а общий экран, висевший в начале нашего ряда и транслировавший то рекламу китайских товаров, то кадры из незнакомых мне фильмов, наконец потушили. Постепенно салон затих и погрузился в бесконечное посапывание, похрапывание и другие сонные звуки разной степени громкости.

Вдруг в салоне кто-то чихнул. Точнее, «чихнул» – это оскорбительная недосказанность. Звук был похож на чавкающий раскат грома, перемешанный с серией артиллерийских выстрелов. Для китайца, издававшего эти звуки, очевидно, чихать таким образом – обычное дело, потому что его спутница даже бровью не повела – привыкшая, так сказать. Я же не поленилась посчитать – девятнадцать залпов. Мощно.

Спокойствию дамы, сидящей рядом с изрыгающим страшные звуки китайцем, можно было только позавидовать, потому что почти все, кто к этому моменту заснул, проснулись и недоумённо смотрели по сторонам, сонно хлопая глазами.

Видимо, чихание у китайцев – дело заразное, потому что вдохновлённые примером собрата азиаты присоединились

к процессу с таким усердием, что мы с Катей всерьёз испугались за их лёгкие, которые, казалось, вот-вот выпрыгнут у них из груди. Случись такое несколькими годами позже, во времена пандемии, весь самолёт точно отправили бы на строжайший карантин и полную изоляцию как минимум недели на три. Но тогда о таком никто и подумать не мог, поэтому в реальности всё закончилось так, как и должно было: спустя некоторое время самолёт снова погрузился в благостную тишину, нарушаемую только чьим-то отдалённым храпом.

Пожилой китаец по-прежнему сидел со страдальческим видом, не реагируя на окружающую его вакханалию. Чихающие пассажиры его явно раздражали.

Когда все в салоне наконец-то затихли, он опустил столик, положил на него свою дорожную подушку и нырнул в неё вниз головой (представьте на минутку надувной валик, и вы сразу поймёте, что наш герой упёрся лицом в дырку внутри); его нос плотно прижался к поверхности стола.

Я скептически подняла бровь и мысленно задалась вопросом: интересно, ему так удобно лежать? Судя по всему, достаточно удобно, чтобы заснуть в таком положении, потому что через пару секунд он тихонько засопел. Бывает же такое...

Я прикрыла глаза и попыталась расслабиться, но Морфей наотрез отказывался сладко обнимать меня, поэтому в скором времени я, обречённо вздохнув, снова открыла глаза и

вернулась на свой наблюдательный пост.

За это время ничего нового не произошло – китаец всё так же лежал лицом вниз на столике. Через некоторое время он всё-таки почувствовал, что его носу, который выглядел покрасневшим после нахождения в такой позе, было явно некомфортно. Тогда дедуля поднялся со своего места с ещё более страдальческим выражением лица.

Затёкшая и вытянутая в проход нога иностранки (то есть моя) для него представляла собой абсолютную пустоту, поэтому мужчина, не моргнув и глазом, свободно прошёлся по ней и, кажется, даже не заметил этого. Я зашипела от боли и недовольно посмотрела на его удаляющийся затылок.

Китаец ушёл, а я снова прикрыла глаза, но моё блаженное спокойствие длилось недолго, так как он вскоре вернулся и начал разминаться в проходе, делая незамысловатые движения руками, а потом – наклоны в обе стороны, при этом пару раз чуть не заехав мне ладонью по лицу.

Закончив зарядку, сосед вернулся на место и попытался опустить кресло в лежачее состояние.

Он сел коленями на сиденье и упёрся головой в спинку, тщетно пытаясь сдвинуть его назад, однако конструкция не подвела ни китайских производителей, ни силу китайской инженерной мысли и не поддавалась давлению, несмотря на усердные старания пассажира.

Я решила, что наблюдений хватит, и закрыла глаза. Через какое-то время меня начал одолевать сон, и я погрузилась

в беспокойную дрему. В голове теснились мысли о приближающейся поездке. Всё ли у нас получится? В хороших ли условиях мы будем жить?

Последний вопрос вызывал особое волнение, потому что студенты, которые ездили до нас, неоднократно рассказывали ужастики про общежитие. В предыдущие годы у всех всё было относительно по-разному, но суть оставалась неизменной: старое общежитие, обшарпанные ванны, перебои с горячей водой, странное постельное бельё. Некоторых заселяли в комнаты по три-четыре человека; двухместные номера доставались счастливчикам.

Больше всего пугало то, что вода окажется ржавой и грязной, а в комнате могут обитать клопы и тараканы.

Я поёжилась от одной только мысли и постаралась задвинуть её куда подальше. Буду решать проблемы по мере их поступления. Со всем можно справиться. Так я себя успокаивала, и, на удивление, это помогло.

Перелёт прошёл довольно быстро, и когда я снова открыла глаза, самолёт уже заходил на посадку. Мы с Катей подняли шторку иллюминатора, и я посмотрела наружу. Столицу Китая, надёжно спрятанную под густым слоем небесной ваты, было совсем не разглядеть.

Из-за плохой видимости мы попали в зону турбулентности, и нас начало потряхивать. Не скажу, что я до паники боюсь летать, но ощущения в этот момент не самые приятные. Помню, что как-то проходила опрос на наличие аэрофобии

в журнале, который лежал на борту. Суть тестирования: ответить на пять вопросов, требующих ответа «да» или «нет»: «Напрягают ли вас какие-либо звуки в самолёте (например, когда он выпускает шасси)?», «Нервничаете ли вы при турбулентности?» и так далее.

Я дала утвердительные ответы во всех пунктах, а результат был таков: если вы ответили «да» хотя бы на один вопрос, то вы боитесь летать. Упс.

К счастью, мои мучения длились недолго, и вскоре лайнер совершил плавную посадку в Пекине. На этом заканчивался первый этап нашего долгого пути до Пхеньяна, столицы Северной Кореи. Теперь нас ждала четырёхчасовая пересадка.

Как только мы вышли из самолёта, нас накрыла удушающая волна горячего воздуха; стоял густой смог. Настолько осязаемую дымку я видела лишь один раз в жизни – много лет назад, когда половину лета в Подмосковье горели торфяники. Единственное отличие: тогда в воздухе стоял запах гари, а здесь ничем не пахло.

В отличие от российского аэропорта, где нудные формальности заняли почти всё время из-за огромной толпы китайских туристов, в Пекине всё прошло быстро и без приключений. Поправлюсь: без приключений для меня.

Мы сдали свой багаж ещё в Москве, и его автоматически должны были перебросить на нужный рейс во время пересадки. Однако оказалось, что у одного из моих одноклассников, Савелия, неправильно оформлены документы, поэтому

на стойке регистрации ему сказали, что чемодан нужно всё-таки получить и сдать ещё раз.

Только по неизвестной причине его вещи пропали, и все успели изрядно понервничать, пока бегали в поисках, пытаюсь помочь нашему другу.

В итоге чемодан был найден (что случилось, и как его умудрились потерять, я так и не поняла), и мы все отправились в кафе, где началось моё знакомство с азиатской живностью, так как по полу полз огромный коричневый таракан. Отчаянно хотелось верить, что на этом общение с восточными насекомыми закончится.

После того, как вся наша группа подкрепилась, мы с Катей решили пройтись по аэропорту. Большинство магазинов оказались закрыты, так как на часах было всего пять утра.

Мы очень хотели пить, но долго не могли найти воду, пока сотрудницы из местного KFC не принесли две пластиковые кружки, накрытые крышками. Оказывается, в Китае подобная процедура широко распространена и встречается сплошь и рядом – вам спокойно предложат стакан воды совершенно бесплатно, если об этом попросить (разумеется, мы не были уверены, что её принесли не из-под крана, но дарёному коню в зубы не смотрят, а пить хотелось).

Пересадка пролетела быстро благодаря беготне за чемоданом Савелия и поиску драгоценного питья, и мы нашей маленькой группкой постепенно начали выдвигаться к выходу на посадку, где сиротливо сидели два человека.

Самолёт северокорейских авиалиний уже стоял наготове. Его отличительной особенностью был небольшой, но длинный корпус и флаг КНДР на носу. Размером он был примерно с кукурузник, но выглядел вполне как обычный пассажирский самолёт – только маленький и немного потрёпанный.

На рейс «Пекин-Пхеньян» нас зарегистрировали ещё в Москве (а бедного Савелия – в Пекине), и нашей немногочисленной группе дали случайно выбранные места, разбросанные по всему самолёту. Поэтому мы подошли к работнику аэропорта с просьбой поменять их: всё равно же явно не аншлаг на рейсе – судя по всему, помимо нас, Пхеньян планировали посетить только два человека.

Посмотрев на нас с вселенским подозрением, работник аэропорта забрал посадочные талоны и обменял их на места в хвосте самолёта – при том, что он был полупустым. Исходя из данных на его компьютере, в начале летело около восьми человек. Щедро, что тут сказать.

Наконец пришло время посадки. Я напоследок написала родителям, отправив им обычное сообщение, так как к интернет-соединению в аэропорту можно было подключиться лишь на час, который давно истёк.

С этой минуты наступило время новых приключений. Время нового этапа в жизни.

В этот момент к нам подлетел импозантный северный кореец с короткими тёмными волосами, в белой рубашке и тёмных брюках. На его груди, ровно над сердцем, красовал-

ся значок с великими вождями – Ким Ирсеном и Ким Чениром¹.

– А вы уверены, что вам сюда? – спросил он.

– Уверены, – с некоторой опаской ответила я.

– А зачем вы летите в Пхеньян? – не отставал он.

– Мы направляемся на учёбу по обмену в университет имени Ким Ирсена.

Он многозначительно закивал и отошёл, предварительно сказав что-то работнику аэропорта, который не расщедрился на нормальные места в самолёте. Тот посмотрел на нас, и несколько ребят скорчили недовольную мину в ответ.

Почему-то меня это развеселило. Точно летим. Точно в Пхеньян. Едем на языковую стажировку грызть гранит науки. Какова вероятность перепутать самолёт в Северную Корею с какой-то другой страной? Думаю, она стремится к минус бесконечности. Хотя кто знает: я где-то читала, что в Австрии есть стойка для тех, кто думал, что летит в Австралию, но перепутал рейс. Так что всё в жизни бывает.

Я вздохнула и последовала за Катей в самолёт. Как и ожидалось, внутри было не очень много посадочных мест, но и салон оказался заполненным лишь на треть.

Не мудрствуя лукаво, мы разошлись кто куда хотел, и каждый занял себе тройные места, чтобы вытянуть ноги, отдох-

¹ Несмотря на привычное глазу написание корейских имён в три слога («Ким Ир Сен», «Ким Чен Ир»), корректным является написание в два слога «Ким Ирсен», «Ким Ченир», где первый слог – фамилия, а второй – двухсложное имя.

нуть после тяжёлого перелёта и хоть немного набраться сил перед приездом в КНДР.

Я выбрала тройное сиденье примерно в середине самолёта и с облегчением скинула кроссовки – после долгой малоподвижности и перелёта, а потом и беготни в поисках чемоданов нашего спутника ноги немного ныли и отчаянно просили свободы.

Самолёт выглядел довольно старым, но ухоженным. В корзинке передо мной лежал маленький буклетик, а подлокотник уже явно повидал многое, судя по тому, что он едва держался на хилой петле.

Наш рейс задержали примерно на час из-за плохих погодных условий в Пекине; в воздухе стоял густой смог, который упорно не желал рассеиваться. В окно сложно было что-то разглядеть, и я с тревогой думала о том, как мы полетим через такую серую пелену на далеко не самом современном транспортном средстве.

В итоге мы простояли, ожидая разрешения на взлёт, гораздо дольше, чем летели из Пекина в Пхеньян, потому что сам рейс занял всего лишь полчаса.

С нами сидело несколько граждан КНДР в белых рубашках и тёмных твидовых пиджаках и женщина-дипломат из Швейцарии, для которой полёт в страну утренней свежести явно был не первым, судя по скучающему виду и полузакрытым глазам.

Наконец наш борт получил разрешение на взлёт, и само-

лёт, разогнавшись и резко оттолкнувшись от твёрдой земли, взмыл вверх. Я вцепилась в подлокотник так сильно, что кровь отхлынула от рук, и костяшки пальцев полностью побелели.

За окном всё ещё стоял густой смог, поэтому разглядеть что-либо в иллюминаторе было совершенно невозможно: нас полностью окутала серая пелена. Я оглянулась на остальных одноклассников – многие из них уже спали и не обращали внимания на лёгкое дребезжание, исходящее от фюзеляжа.

Несмотря на то, что в аэропорту я бы с удовольствием вздремнула, теперь сон как рукой сняло. Мне было сложно поверить, что уже через какие-то тридцать минут мы окажемся на территории самой закрытой страны мира, где мне предстоит прожить целых два месяца без связи и интернета. От этой мысли меня переполняло волнение, а сердце в груди бешено колотилось.

Вскоре к нам подошли стюардессы, предложили напитки и бортовое питание (*кимчи* – традиционную корейскую квашеную капусту; булочку на пару; рис с мясом). От волнения аппетит бесследно пропал вместе со сном, поэтому я с благодарностью взяла стакан воды и поняла, что сжимаю его слишком сильно только тогда, когда тонкий пластик издал тихий треск.

Вместе с питанием мы получили три декларации, где нужно было предоставить различную информацию о себе, вклю-

чая количество имеющейся при себе валюты, наличие кашля или другой указанной в листке болезни, а также дать список имеющихся при себе гаджетов.

Для нас подобная процедура была в новинку, так как на тот момент ни про какие мировые пандемии ещё никто не слышал, а декларации о здоровье нигде не требовали, поэтому я снова остро почувствовала, насколько иной мир вскоре откроется перед нашими глазами; мир со своими правилами, традициями и устоями, в котором мы будем похожи на пришельцев, неожиданно свалившихся с неба в прямом смысле.

Мы долго заполняли анкеты, так как вопросов по их заполнению у нас оказалось больше, чем самих вопросов, требующих ответа, поэтому и тут время пролетело совершенно незаметно. Вскоре стюардесса объявила на ломаном английском: «*Лэйдиз энд джентльмен*, добро пожаловать в КНДР, через 15 минут наш самолёт приземлится в аэропорту Пхеньяна».

К этому времени смог, окутывающий территорию Китая, рассеялся, и мы поняли, что летим уже над Северной Кореей. Страна словно приветствовала нас: на ярко-голубом небе не было ни облачка, и видимость позволяла разглядеть даже самые далёкие просторы.

Мы прилипли к окнам и с благоговением разглядывали с высоты государство, про которое ходило так много слухов, и которое уже на протяжении стольких лет поражало людей противоречивой информацией.

Пейзаж не был похож ни на одну другую страну, в которой мне удалось побывать (а путешествовала я всегда очень много благодаря родителям, которые каждый год организовывали интересный отпуск с новыми местами, достопримечательностями и насыщенной программой): бескрайние зелёные поля, тёмные леса, высокие горы... Казалось, что человеческая нога не ступала по этим прекрасным природным просторам – всё выглядело нетронутым и невинным.

Самолёт начал снижаться резкими рывками, и я снова вцепилась в бедный подлокотник (кажется, теперь я поняла, почему он держался на соплях). Нам открылись извилистые улицы и небольшие домики с соломенными крышами, которые казались совсем крошечными с такой высоты. Ни одного асфальтированного шоссе на подлёте к Пхеньяну я не увидела. Все дороги были просёлочными, но при этом огромными, длинными и ветвистыми, словно змеи, которые пресмыкались на утопающей в зелени земле.

Машин мы тоже не заметили – лишь один трактор сиротливо трясся по рисовому полю. Местность была гористой со множеством бескрайних полей, лесов и длинных дорог между ними. Многоэтажных зданий Пхеньяна на подлёте к аэропорту я также не заметила – лишь маленькие домики, которые у нас можно встретить разве что в какой-нибудь провинциальной глубинке.

Круглыми глазами я смотрела на пейзаж, и моей первой мыслью было: «Это так красиво и необычно!» Представляя,

сколько всего нового и интересного нам ещё предстоит увидеть, я нетерпеливо заёрзала в кресле.

В этот момент пилот, словно погружая пассажиров в суровую реальность, решил отказаться от мягкой посадки (или же асфальт в аэропорту был не очень, хотя это маловероятно, поэтому не будем оправдывать пилота) и буквально ударил самолёт об землю, отшвырнув нас всех вбок и заставляя вцепиться впереди стоящие кресла. Судно подпрыгнуло, и вещи посыпались с полок. Женщина-дипломат из Швейцарии негромко вскрикнула.

Я с тревогой посмотрела на подлокотник – он всё ещё героически держался на тонкой петле, – и мысленно поблагодарила его за мужество, так как не хотела выяснять, как отреагируют корейцы, если в первые же минуты на территории КНДР приезжие станут выламывать сиденья.

Наконец самолёт начал сбавлять скорость, и нашему взору открылось невысокое здание аэропорта Пхеньяна. Нервно сглотнув, мы переглянулись. Итак, свершилось. Мы в Северной Корее.

Часть 2. О таможне и социалистическом рае

В иллюминатор я разглядела нескольких корейцев в жёлтых жилетах, которые отражающими яркий солнечный свет жезлами указывали судну, куда ему нужно ехать (что само по себе было удивительно, так как я никогда бы не подумала, что в аэропорту такой маленькой страны может быть много входов и выходов).

Рукав присоединили довольно быстро; очереди на выход, соответственно, не было. Наши шуточки про то, что в аэропорт нас вместо автобуса повезёт какой-нибудь запорожец (сразу вспомнилось, как в Черногории багаж в самолёт отправляли посредством мини-трактора), постепенно утихли, и мы, нервно сжимая в руках паспорта и заполненные декларации, постепенно двинулись на выход.

Стюардессы, мило улыбнувшись, напоследок весело помахали, а в начале рукава нас уже ждали северокорейские военные в тёмно-зелёной форме; значки с великими вождями – товарищами Ким Ирсеном и Ким Чениром – красовались у них на левой стороне пиджаков, прямо над сердцем.

Мы прошли в основное здание, и если не считать мёртвую тишину и полное отсутствие каких-либо людей, то ничего не говорило о том, что мы находимся в Северной Корее. Это был стандартный маленький аэропорт, какой можно увидеть в любой небольшой стране. Не знаю, что я ожидала (вероятно, какой-нибудь огромный стальной ангар), но вполне современная воздушная гавань меня приятно удивила.

Поэтому с этого момента я решила отключить все свои ожидания и предрассудки и делать выводы только на основе увиденного и услышанного. Не зря КНДР считалась самой неоднозначной страной в мире: в интернете про неё писали столько противоречивой информации, что делало процесс фильтрации правды и лжи невероятно сложным. В очередной раз я осознала, насколько это уникальный опыт – по-

бывать там и увидеть всё своими глазами.

Примерно через каждые двадцать шагов в аэропорту висели большие электронные табло, которые транслировали местное время. Кстати, примечательно, что на тот момент у Сеула и Пхеньяна была разница в 30 минут. В 2018 году (то есть ровно через год после моей стажировки) по итогам встречи лидеров обеих стран Пхеньян принял решение перевести часы на полчаса вперёд, чтобы снова оказаться в одном поясе с Южной Кореей, что стало своего рода жестом доброй воли со стороны северян.

Мы прошли к стойкам паспортного контроля и нерешительно замерли при виде не улыбающихся военных в стеклянных кабинках. Собравшись с духом и постаравшись придать лицу приветливое выражение, я пошла первой и протянула паспорт и заполненные декларации.

Кореец со скучающим видом взял одну бумажку, а остальные вернул обратно, затем внимательно изучил фотографию в паспорте, поднял глаза на моё лицо, и его брови немного взметнулись вверх.

Нет, а что он хотел?! Шесть лет прошло с тех пор, как мне выдали документ! К тому же я моргнула, когда меня фотографировали, и, признаю, лицо получилось не самым эстетичным.

Я уже привыкла, что в аэропортах ко мне всегда бывает повышенное внимание со стороны сотрудников безопасности. Их можно понять: на фотографии в паспорте они видят,

по сути, ещё темноволосого ребёнка с короткой стрижкой и милыми щёчками, а в жизни перед ними стоит длинноволосая девушка с более острыми, повзрослевшими чертами лица.

Видимо, товарища пограничника изображение не убедило, и он решил проверить всё сам. Далее мне на корейском прилетел вопрос:

– Цель поездки?

– Юхаксэнимнида. Я студент-стажёр, – слегка дрожащим от волнения голосом ответила я.

Невозможно описать словами моё облегчение в тот момент, когда я поняла заданный на корейском вопрос с первого раза.

Когда дело касалось разговоров на иностранном языке, я часто становилась стеснительной, поэтому не горела желанием переспрашивать, что хотел от меня суровый дядечка-военный на паспортном контроле в Северной Корее.

Он многозначительно кивнул, однако паспорт не вернул и попросил зачитать вслух мой домашний адрес из таможенной декларации.

С похолодевшей душой и мыслями, что не успела я захватить в страну, как у меня уже начинаются какие-то проблемы, я выполнила его просьбу. Кореец покивал головой с явно непонимающим видом и переспросил: Москва?

– Н-нет, М-московская область, – слегка запинаясь, произнесла я, мысленно прокручивая, правильно ли сказала это

по-корейски.

– А это Москва? – не унимался он. Вот же пристал! Надо было просто согласиться с ним, сказать, что да, Москва...

– Нет, это город рядом с Москвой, – уже почти умоляющим тоном попыталась объяснить я.

Судя по всему, я его развеселила, потому что на этой ноте, улыбнувшись себе под нос, он поставил штамп и молча отдал документ; с нескрываемым облегчением я прошла дальше.

После стойки паспортного контроля нас ждало трое работников российского посольства, которые тепло поприветствовали словами: «Добро пожаловать в солнечный Пхеньян. Приготовьтесь к досмотру и достаньте все гаджеты».

Рядом с ними стоял высокий кореец лет тридцати пяти с угольно-чёрными волосами и тёпло-карими глазами. На нём была свободная белая рубашка с короткими рукавами и чёрные брюки. В руке он держал толстую кожаную папку.

При моём приближении он внимательно посмотрел на меня, склонил голову набок и слегка поднял уголки рта; я на автомате кивнула, улыбнулась в ответ – и тут же испугалась. А вдруг это кто-то из руководства, а я, вместо того, чтобы поклониться, как это принято в Корее, бездумно киваю, да ещё и улыбаюсь?

Укорив себя за неосторожность, я спешно ретировалась в сторону багажной ленты, при этом запутавшись в собственных ногах и чуть не упав лицом вниз. Из-под своих длинных волос я аккуратно обернулась, чтобы посмотреть на реакцию

корейца: вдруг своим поведением я его разозлила, или он подумал, что я невежливая или глупая? Его лицо было бесстрастным, однако в тот момент я могла поклясться, что заметила в тёмных глазах озорные огоньки.

Нас заранее предупреджали, что в аэропорту может быть досмотр вещей и чемоданов, однако мы заметно заволновались и двинулись к стойке получения багажа.

Северокорейцы с нашего рейса прилетели с маленькими коричневыми портфелями, а дипломат из Швейцарии отправилась в путь с объёмной сумкой, которую она взяла в качестве ручной клади, поэтому на ленте багажа остались только наши вещи.

Без особого усилия я сразу нашла свои чемоданы. Ещё в Москве они оба были завёрнуты в плёнку, однако, к своему ужасу, я заметила, что защитный пластик на одном из них разрезан пополам, как будто его вскрывали.

Увидев моё волнение, ко мне подошли работники посольства и спросили, всё ли в порядке. Я немного смутилась, сообщив, что защитная плёнка на моём чемодане разрезана и, возможно, его пытались вскрыть.

Мы проверили кодовый замок, он оказался нетронутым. Я тихонько выдохнула – значит, до внутренностей не добрались.

На самом деле сложно объяснить, почему в тот момент я так разволновалась из-за своего багажа: даже если его вскрывали или хотели вытащить что-то, у меня там не было ниче-

го дорогого и ценного (помимо шоколадок и сушек, конечно же). Видимо, просто сказалась усталость от перелёта и переизбыток эмоций.

Работники посольства предположили, что его хотели по какой-либо причине досмотреть в Китае, однако в итоге не стали трогать замок и передумали. Я пожалала плечами: даже если это так, главное, что чемодан на месте и он цел, значит им можно продолжать пользоваться.

Я поблагодарила работников посольства за заботу – приятно знать, что даже в самой закрытой стране мира есть хорошие люди, которые помогут в трудную минуту, и с удивлением поймала на себе взгляд высокого корейца с толстой папкой в руке. Он смотрел на нас со встревоженным выражением лица.

Встретившись со мной взглядом, он снова приветливо наклонил голову. Я смущённо опустила глаза. Опять он стал свидетелем того, как я оказываюсь в какой-то глупой ситуации! Вот уже второй раз. Видимо, удача решила от меня отвернуться; остаётся только надеяться, что это просто какой-то водитель, которого я вижу в первый и последний раз в жизни.

Словно услышав мои мысли, кореец отвлёкся и достал из кармана резко завибрировавший телефон. Он что-то начал говорить в трубку и вышел из аэропорта, жестикулируя своими длинными руками.

Тем временем ко мне подошёл военный и указал в направ-

лении стойки досмотра – небольшого пространства с железными скамьями, на которых можно было разложить вещи. Я покорно повезла свои чемоданы и встала около скамьи, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

Военный забрал у меня паспорт и оставшиеся декларации, которые я всё ещё держала в руке; также он попросил отдать ему все гаджеты (у меня с собой были телефон, планшет и ноутбук, которые я положила ему на стойку).

Пройдя через металлоискатель, я, по просьбе таможенника, сидевшего около него, открыла чемодан – он поглядел на мои платья, лежавшие сверху, что-то тихо сказал другому таможеннику, и они засмеялись, весело поглядывая в мою сторону. Я вежливо улыбнулась, однако в глубине души мне было не до улыбок: волей-неволей занервничаешь, когда у тебя забрали паспорт и все гаджеты.

Не успела я закрыть чемодан, как ко мне подошёл другой военный, забрал у первого все устройства и пошёл в другую сторону. Я растерянно посмотрела сначала на таможенника, который невозмутимо припрятал мой паспорт, потом на спину другого, уносящего мою технику, а затем на свои сумки, оставить которые я тоже не могла.

Мои сомнения по поводу того, куда же всё-таки идти и как получить обратно все свои вещи и документы, развеял второй служащий, который поманил меня рукой. Я последовала за ним.

Мы зашли за закрытую стойку, огороженную небольшой

ширмой, и он кивнул на мой планшет: *включи*. Я послушно разблокировала айпад, и кореец, внимательно изучив меню, ткнул на иконку «видео». Видимо, «Сверхъестественное» и «Шерлок» его не впечатлили, потому что он сразу закрыл вкладку с сериалами и открыл фотогалерею.

До поездки я предварительно почистила все фотографии и видео на планшете и в телефоне (зачем вызывать лишние вопросы?), поэтому ничего интересного он там тоже не нашёл и выглядел даже немного расстроенным.

– Открой ноутбук, – велел он на ломаном английском. Я ввела пароль и протянула ему компьютер.

В этот момент к нам подошёл посольский работник и встал у меня за спиной с ободряющей улыбкой. Почему-то мне сразу стало спокойнее. К этому времени я порядком ослабилась и уже поглядывала в другую сторону, пытаясь локализовать военного с моим паспортом. Тут мы заметили, что кореец с ноутбуком явно чем-то очень сильно заинтересовался.

Я аккуратно заглянула ему через плечо и моментально покраснела, с замиранием сердца увидев, что он зашёл в облако с файлами, а там остались старые селфи, которые я забыла удалить.

Кореец оживился, с одобрением закивал и начал листать фотографии; мои щёки уже были цвета хорошо проваренной свёклы. Он улыбнулся, явно желая что-то сказать. Когда таможенник дошёл до снимков, где у меня сделан высокий

конский хвост, он закивал ещё интенсивнее.

Посольский работник, заинтересовавшись реакцией слушающего и моим покрасневшим лицом, поглядел на экран и с трудом сдержал улыбку.

– *Ис зис олсо ю?* – спросил кореец. («Это тоже ты?»)

Я кивнула.

– Очень красиво, – отметил он и с явной неохотой протянул мне ноутбук.

Тут я окончательно застеснялась и, смущённо хихикнув, с пылающими щеками ретировалась под одобряющий взгляд таможенника и всё ещё с трудом сдерживающего смех посольского работника.

В это время к нам подошёл другой кореец, у которого чудесным образом в руках материализовались остальные мои гаджеты и документы, со скучающим видом полистал меню моего мобильного телефона, посмотрел паспорт и вернул мне всё в руки.

Кстати, до поездки мои друзья запугивали нас, что в Северной Корее могут возникнуть проблемы при въезде из-за американских и южнокорейских моделей телефонов. Однако ни мне, ни ребятам, путешествующим со мной, никто не сказал ни слова, и я мысленно опровергла ещё одну байку.

Северяне не могут не осознавать, с какими стереотипами приезжают к ним в страну иностранцы, поэтому сложилось впечатление, что таможенники развлекались на досмотре и не всерьёз пытались припугнуть своими действиями, чтобы

посмеяться над реакцией молодой стеснительной девушки.

Было очевидно, что корейцев немного забавлял данный процесс, а вся процедура представляла собой не более чем формальность (возможно, потому что российские студенты и в целом россияне всегда находились на хорошем счету в Северной Корее). Наверняка к туристам и иностранцам из других стран отношение было совсем другое.

Когда все участники нашей группы прошли досмотр и собрались дружной кучкой около багажной ленты, посольские работники, поблагодарив всё ещё улыбающихся таможенников, двинулись к выходу из аэропорта, а мы поплелись за ними.

Перед большими стеклянными дверьми стоял припаркованный бежевый микроавтобус, который по виду напоминал машины из советских фильмов: небольшие колёса, низкая посадка, длинные боковые зеркала и немного поржавевший корпус. Сейчас это бы выложили в социальные сети и назвали модным словечком «винтаж».

Около автобуса нас ожидало трое корейцев: молодые парень с девушкой в белых рубашках с короткими рукавами и... снова тот самый кореец с толстой кожаной папкой, который уже закончил разговаривать по телефону и с интересом смотрел в нашу сторону. Судя по тому, что парень и девушка стояли рядом с мужчиной чуть ли не по стойке смирно, моё предположение о том, что он обычный водитель, с треском провалилось.

Мы замаялись, не понимая, куда идти дальше и что от нас требуется. Посольские работники, проигнорировав наше замешательство, подошли к стоящим перед нами корейцам и представили их:

– Знакомьтесь, это товарищи Мухён и Мира. Они студенты университета имени Ким Ирсена и будут вас сопровождать на протяжении всей поездки. Они также поселятся в общежитии и смогут помогать в бытовых вопросах.

Парень сухо кивнул, а девушка улыбнулась и весело помахала рукой.

– Приятно познакомиться, – сказали они хором на безупречном русском, и у меня чуть не отвалилась от удивления челюсть. Судя по всему, не у одной меня, потому что остальные члены нашей немногочисленной группы также выглядели ошарашенными.

– И нам приятно, – ответил за всех Савелий, и девушка снова просияла.

– А это, – продолжил сотрудник посольства, почтительно указывая на корейца с папкой, – товарищ Тэсон. Это ваш руководитель, он представляет университет, в который вы будете ходить.

Вот значит, как. Оказалось, что мужчина, которому я кивнула вместо поклона и на глазах которого чуть не навернулась, не какой-то там простой водитель, а представитель высокопоставленного руководства. Я почувствовала, как кровь подступает к щекам. Что там по первому впечатлению?

Тем временем товарищ Тэсон, которого я уже мысленно охарактеризовала как «директор», наклонил голову (видимо, у него это был фирменный жест) и сказал нам на корейском:

– Здравствуйте, рад познакомиться.

Его голос оказался глубоким и приятным.

Мы нестройным хором поздоровались и поклонились (точнее, поклонилось только несколько человек, а остальные не поняли, что надо делать, и зависли то ли в полуреверансе, то ли в полупоклоне). Выглядело это со стороны ужасно комично, однако директор не подал виду.

Его взгляд снова встретился с моим, и я успела заметить, что он едва сдержал улыбку. Я прикусила губу. Значит, комичное поведение группы его не веселит, а мои финты он будет помнить ещё долго. Ну-ну.

Тем временем из автобуса вышел водитель и с кряхтением начал загружать наши вещи в багажный отсек автобуса. Мне даже стало его жалко, потому что одни только мои чемоданы в сумме весили почти пятьдесят килограммов.

К нам подошли Мухён с Мирой и спросили, как прошёл наш перелёт. Они оказались очень дружелюбными, искренне интересовались всеми деталями и подробностями – даже брелоки на наших чемоданах их позабавили. Они произвели замечательное первое впечатление, и я ни капли не сомневалась, что мы впоследствии подружимся.

Группа села в автобус, в котором стояла невыносимая ду-

хота, и я потянулась к необычному окну, которое открывалось довольно нестандартно – горизонтально, как стойка на кассе. Конструкция со скрипом отворилась, и салон начал наполняться воздухом (я намеренно не пишу «свежим», потому что на улице было ужасно душно).

В салон запрыгнули Мира и Мухён и сели сбоку от нас с Катей; последним вошёл директор, который снова разговаривал по телефону. Водитель утопил педаль газа в пол, и автобус рванул вперёд.

Мы вцепились в спинки впереди стоящих кресел (ремней безопасности там не оказалось), и начался аттракцион под названием «Не выпади из окна», потому что шофёр ехал со скоростью примерно 80 километров в час по бугристой асфальтированной дороге с огромным количеством глубоких ям и ухабов.

Автобус ужасно трясло, но это не доставляло особого дискомфорта, потому что на дороге машин почти не было и тормозить водителю, соответственно, не приходилось (кстати, к слову, согласно дорожному знаку, встретившемуся на нашем пути, разрешённая скорость в той местности не должна была превышать 15(!) километров в час. Упс).

Даже не хочу думать, что произошло бы, начни мы резко тормозить: желудок, словно услышав опасения в моей голове, недовольно заурчал.

Расскажу немного о своих первых впечатлениях от нашей ухабистой поездки на автобусе. Во-первых, нигде не бы-

ло многоэтажных домов – максимум, что мы заметили, это двухэтажные строения в каком-то элитном посёлке.

Второе, что тоже бросилось в глаза и уже не отпускало на протяжении всей поездки, – это люди и удивительная, ни на что не похожая атмосфера, которую они создавали. Сложно объяснить это словами, но я постараюсь передать то, что видела, максимально точно.

Пока мы ехали, везде сновал народ: на тротуарах, на проезжей части, на полях, в домах. Казалось, что на каждом квадрате земли был человек, который что-то делал и куда-то шёл. На секунду мне показалось, что мы попали в большой муравейник.

Рабочие в серых костюмах или простых белых майках с лопатами, мешками, тюками и досками наперевес; девушки и женщины на каблучках в юбках и белых рубашках, некоторые – в штанах; дети-пионеры с красными галстуками.

Все они были чем-то заняты: кто-то поливал траву, кто-то полон землю на полях, некоторые несли какую-то кладь или мешки. Ещё было очень много велосипедистов – для них вдоль дороги выделили специальную полосу, и фактически большая часть населения передвигалась на велосипедах, к которым приделаны большие корзины. В них корейцы укладывали перевозимые вещи. Ощущение было такое, будто мы попали в северокорейскую версию Нидерландов.

Этот контраст с привычной нам жизнью неопишуем! В Москве всегда огромное количество машин; на улице все по-

грузены в свои мысли, куда-то идут, спешат, слушают музыку в наушниках, смотрят в экраны гаджетов. Здесь же открылась совершенно иная картина.

Тут люди жили другой жизнью, не отвлекаясь на новинки технологий и не тратя своё время на интернет. Здесь не пахло никакой роскошью. Здесь всё выглядело просто и неприятно. Но при этом жизнь кипела во всех её проявлениях; в воздухе висело какое-то осязаемое чувство занятости и нужности – каждый человек шёл по своим делам с определённой целью.

Мы словно открыли для себя новый мир – мир, в котором хотелось побывать и побыть частью него; мир, в котором все выглядели по-своему счастливыми.

На мой взгляд, именно люди в Северной Корее задают неповторимый колорит этой страны. Моё первое впечатление от увиденного можно описать двумя словами – волшебное очарование. Никогда бы не подумала, что Северная Корея выглядит именно так.

Я спросила Миру, которая сидела ближе всего, можно ли делать фото и видео. Она кивнула. Тогда я достала телефон и начала фотографировать местность, которую мы проезжали. Мне хотелось запечатлеть каждую секунду своей поездки как на бумаге, так и на фотоплёнку, чтобы каждая деталь, которую я подмечала, не была забыта или утеряна. В тот момент я решила вести дневник в Северной Корее и записывать свои мысли и впечатления от поездки.

Сотрудники посольства ехали за нашим автобусом на легковой машине с посольскими номерами. Их автомобиль выглядел новым и современным, и, судя по отражению в зеркале заднего вида, они старались объезжать ямы на дорогах, чего нельзя было сказать о нашем водителе, который попадал буквально в каждый ухаб, заставляя пассажиров подпрыгивать и хвататься за спинки впереди стоящих кресел.

Мухён и Мира излучали невозмутимость и тихо переговаривались между собой, не обращая внимания на дребезжащий автобус. Директор на переднем сидении также был полностью погружён в телефонный разговор. Его кожаная папка лежала на коленях. Каждый раз, когда он, жестикулируя перед невидимым собеседником, переставал удерживать её, я молилась, чтобы она не прилетела кому-нибудь в лоб.

По мере того, как мы подъезжали к Пхеньяну, сельский пейзаж с многочисленными зелёными полями постепенно начал сменяться на городской.

Мы увидели первые многоэтажные дома: в Северной Корее их строили разноцветными, что делало Пхеньян необычайно красивой «столицей Великой Нации», как её охарактеризовал Мухён.

Вдоль дороги нам встретилось множество стендов с агитационными плакатами, портретов и статуй великих вождей, а также сенок с их участием. Всё пропагандировало социалистический рай и идеи чучхе. Невольно вспомнились постеры и агитки со времён СССР. Несмотря на то, что я не застала

эту эпоху, атмосфера сразу напомнила городские пейзажи, которые показывают в старых добрых советских фильмах.

Кстати, интересно, что в Северной Корее летоисчисление ведётся с момента принятия идей *чучхе*, то есть с года рождения Ким Ирсена (и это не шутки: посольство в официальной расписке на мою визу так и написало – 106-й год чучхе).

Поскольку в КНДР движение не ахти какое активное (на протяжении нашей получасовой поездки в общежитие мы увидели всего лишь несколько уазиков, автобусов, родную советскую «Ладу» и парочку колоритных тройных драндулетов), светофоров за городом тоже почти не было – за ненадобностью, поэтому водитель и не думал меньше давить на педаль газа. Судя по всему, дорожные знаки носили для него исключительно рекомендательный характер, потому что он упрямо игнорировал скоростные ограничения.

Мы встретили только один светофор на выезде из аэропорта и один – на въезде в Пхеньян. На каждом из них стоял регулировщик – чаще всего это были девушки в белых костюмах и фуражках, с жезлами, на невысоких каблуках. Они контролировали дорожное движение и следили за переключением цветов на светофоре (с уверенностью могу сказать, что нашему водителю автобуса, по которому плачет главная роль в «Форсаже», явно не помешало бы повторить правила дорожного движения).

Интересное наблюдение: ходить на каблуках, даже когда это неуместно или неудобно, считалось нормальным среди

женского населения в Северной Корее, потому что они носили их буквально всегда и везде.

Мы даже как-то видели женщину в спортивном костюме и на высокой шпильке. Или девушку, которая несла почти десять литров воды на голове, при этом невозмутимо цокая каблучками. Или бабушку, которая доставала сорняки из травы в сандалиях на высоком каблуке...

Также тут было принято надевать носки под туфли, однако, несмотря на то, что у нас уже редко кто так ходил, я бы не сказала, что это смотрится отталкивающе или старомодно – скорее придаёт какой-то неповторимый шарм и колорит.

Интересно было наблюдать за разнообразием носков, которые выбирали девушки: от простых белых с кружевной каймой до ярких и тёмных цветов со всевозможными узорами.

От дальнейшего изучения пейзажа меня отвлек водитель: он вдруг увидел красный сигнал светофора в паре метров от нас и резко дал по тормозам. Савелий не удержал рюкзак на своих коленях, и тот вылетел из его рук, громко приземлившись на пол, а сам парень, не успев среагировать, с глухим стуком врезался лбом во впереди стоящее кресло.

Мухён и Мира ахнули. К счастью, Савелий не пострадал, а сидящий рядом с ним одноклассник начал звонко смеяться. В этот момент директор закончил разговаривать по телефону и повернулся в нашу сторону.

– Что случилось? – спросил он, недоумённо смотря на

рюкзак, до которого пытался дотянуться потирающий красный нос пострадавший.

– Товарищ Сабеля упал с сиденья, – на корейском ответил сразу же напрягшийся Мухён.

Тем временем «товарищ Сабеля» наконец-то дотянулся до рюкзака и водрузил его себе обратно на колени. Выглядел он потрёпанным и смущённым. Вот уж у кого поездка началась весьма «весело»: чемодан потеряли, документы неправильно оформили, а теперь он ещё и впечатался лбом в сиденье автобуса.

Директор ничего не ответил Мухёну и молча оглядел всех сидящих. Мне показалось, что на долю секунды его взгляд задержался на мне; затем он повернулся обратно в сторону дороги. Мухён, судя по его поникшим плечам, немного ослабился.

Было интересно наблюдать, какое благоговение вызывает у Мухёна директор. Сразу видно, кто в доме хозяин и кто тут неоспоримый авторитет.

– Мухён, а мы скоро приедем? – спросил Кирилл – наш попутчик, который всё ещё едва сдерживал смех из-за выражения лица пострадавшего Савелия.

– Почти уже приехали, – ответил сопровождающий, нервно затеребив край своей рубашки.

– Смотрите, мы уже в Пхеньяне! – сказала Мира, указывая рукой на окна. И действительно: сельская местность осталась полностью позади, а мы оказались окружёнными небоскрё-

бами и монолитными высотками. Кто-то в салоне автобуса восхищённо присвистнул.

Дорога до общежития, к счастью, заняла совсем немного времени, и наш водитель в последний раз дал по тормозам (мой желудок к тому времени был крайне признателен за остановку, так как меня порядком укачало, и я начала немного зеленеть).

Двери автобуса отъехали в сторону, и директор, вернув сиденье обратно в вертикальное положение, вышел на улицу. Мы последовали за ним, и я с благодарностью вдохнула свежий воздух.

Нашим глазам открылось здание общежития. Только вот оно было совсем не то, каким мы себе его представляли. Это была не разваливающаяся пятиэтажка, о которой рассказывали ребята, ездившие на стажировку до нас, а блестящая на солнце, красивая тринадцатизэтажная новостройка.

Мы переглянулись и в рядок выстроились около автобуса. Водитель, снова недовольно кряхтя, медленно начал выгружать наши чемоданы из багажного отсека.

Итак, мы приехали. Пора знакомиться с новым домом.

Часть 3. О новоселье и женщинах

Спустя несколько минут водитель выгрузил оставшиеся чемоданы и отъехал на автобусе, так резко газанув, что мы невольно отскочили.

Посольские работники вышли из машины и с опаской спросили, как прошла поездка. Их реакцию можно было по-

нять: я с зеленоватым лицом, Савелий с красным носом и не менее растрёпанные остальные члены нашей группы выглядели неважно.

Мы кивнули и сказали, что поездка прошла нормально (и мы даже не соврали, ведь доехали все в целости и почти в сохранности).

Немного отойдя от духоты автобуса, я огляделась. Вокруг нас возвышались зелёного цвета небоскрёбы. Все стены домов на улице так же были выкрашены в зелёный цвет.

Наш новый корейский друг Мухён с нескрываемой гордостью рассказал, что район, в котором нас поселили, совершенно новый, его открыли только в апреле под руководством товарища Ким Ченына; соответственно, и общежитие тоже оказалось недавно отстроенным.

Это многое объясняло. Например, то, что ребята, которые приезжали сюда до нас, описывали видавшую виды пятиэтажку и обшарпанные комнаты. Когда они были в Корее в прошлые годы, этот район ещё только находился на этапе строительства.

Во мне проснулась надежда. Если общежитие выглядит так привлекательно снаружи, то и внутри точно всё должно быть не так уж и плохо.

Директор жестом пригласил нас войти в здание, и мы двинулись к высокой лестнице. Я немного отстала от группы в попытках поднять оба чемодана сразу, так как никто из ребят (тоже мне джентльмены!) не предложил помочь их до-

нести. Однако номер не удался, и я опасно покачнулась под весом багажа. От падения меня спасла сильная рука, которая удержала чемоданы, а вместе с ними и меня саму.

Я с благодарностью повернулась к своему спасителю, ожидая увидеть кого-то из посольских, и... оказалась нос к носу с директором.

Он укоризненно на меня посмотрел и одним махом поднял оба чемодана на верхушку лестницы. Я смущённо залепетала слова благодарности. Директор отрывисто кивнул и, не оборачиваясь, прошёл к началу нашей процессии.

Я недоумённо посмотрела ему вслед. Какие-то у него перепады настроения – слишком резкие: то он едва сдерживает смех, то ведёт себя сухо. Видимо, Мухён его так боится, по-

тому что никогда не знает, чего можно ожидать: то ли прилетит по шапке, то ли погладит по головке. У меня пока не сложилось чёткого представления о нашем директоре: выглядел он строго и влиятельно, но глаза всё равно были добрыми.

Когда я зашла в общежитие, все мысли резко вылетели из головы, потому что первый этаж оказался поистине впечатляющим.

В холле висели фотографии нынешнего предводителя Северной Кореи Ким Ченына и снимки различных памятных событий, произошедших за времена работы Трудовой Партии Кореи².

Я увидела что-то наподобие стойки администратора, большие колонны, искусственные цветы в форме инсталляций... Всё блестело и казалось таким новым, красивым и необычным, что мы только и успевали с удивлением вертеть головами по сторонам, чуть ли не поминутно задаваясь вопросом: а мы точно туда попали?

Лобби было больше похоже на отель, чем на студенческое общежитие. На секунду вспомним, что это не просто абы какая страна, а Северная Корея!

Судя по интерьеру, в постройку и оформление здания общежития были вложены колоссальные средства. К тому же было заметно, что к нашему приходу усердно готовились – блестел каждый уголок.

² Это основная политическая партия в стране, которая пользуется большим уважением среди местных.

– Кажется, вам очень повезло в этом году с проживанием, – с улыбкой заметил один из посольских работников. – Этот район долго строили, и ребята, которые приезжали в прошлые годы, жили в старом общежитии. А вы станете, так сказать, первопроходцами в новом.

Мы с Катей восторженно переглянулись. Кажется, тараканы, клопы и четырёхместные комнаты отменяются!

Директор подвёл нас к большому современному лифту, и группками по пять человек мы поднялись на девятый этаж. Лифт был светло-серебристого цвета, на нём красовалось изображение огромной ракеты. Мы с трудом сдерживали восторг, прямо как туристы, которые ожидали посредственный хостел, а получили пятизвёздочный отель.

На секунду читатель может подумать, что бедные студенты из России в принципе ничего яркого и необычного в жизни не видели, судя по нашей бурной реакции, но это совершенно не так. Просто после страшилок про общежитие от предыдущих поколений постепенно начало приходить осознание, что в этом году всё будет складываться совершенно иначе – гораздо лучше и круче.

Мухён и Мира выглядели явно польщёнными нашим восхищением, а первый, расписывая все прелести общежития, в какой-то момент раздулся как павлин и даже с гордостью ударил себя несколько раз кулаком в грудь, пока не заметил взгляд директора и не притих.

Савелий, скрывая улыбку, прикрыл рот ладонью.

На девятом этаже нас ждал длинный просторный холл, поделённый на две части. Посередине было что-то вроде пространства для отдыха с тремя кожаными диванами, а с двух сторон красовались двери в комнаты.

Директор собрал нас вокруг себя и прочитал небольшую лекцию на корейском, которую услужливо перевёл на русский Мухён.

Если совсем вкратце, то он рассказал нам о правилах, установленных в общежитии: нельзя пить и курить. В качестве наказания рассматривается исключение из университета имени Ким Ирсена, в котором мы будем учиться, и немедленная ссылка обратно в Москву.

Выглядел он совершенно серьёзно, когда озвучивал запреты, поэтому сложно было утверждать: правда это или блеф. Он добавил, что в прошлом году кого-то из российской делегации исключили и отправили домой именно за нарушение правил распорядка общежития. Мы ничего такого не слышали, поэтому ручаться за его слова не могу.

Проверять их я тоже не планировала, так как курением и распитием спиртных напитков не баловалась.

Также директор напомнил, что мы обязаны приветствовать учителей поклонами. Видимо, собственный горький опыт в аэропорту вынудил его упомянуть это.

Мухён любезно перевёл и даже наглядно показал, как нужно правильно делать приветственный поклон: ноги на месте, а корпус гнётся книзу. Мы попытались повторить дви-

жение, чтобы оно выглядело максимально естественно, но получилось не очень.

Медленно и неумело мы научились кланяться (к слову, когда к нам в первый раз зашёл преподаватель, и мы все поклонились, причём даже не синхронно и каждый по-разному, было видно, что он едва сдерживает улыбку, но об этом поговорим чуть позже).

На этом лекция директора закончилась; напоследок он пожелал хорошей стажировки и отошёл в сторону, так как его мобильный телефон снова начал настойчиво вибрировать.

Мы оказались новосёлами на девятом этаже – до нас тут ещё никто не жил, и, когда закончилась лекция руководителя, нам наконец-то выдали ключи. Работники посольства также решили сказать пару слов. Приезжие студенты остаются без связи. Интернет, может быть, и будет – несколько раз за два месяца, если мы приедем в посольство, но они этого не гарантируют. «Наслаждайтесь. Учитесь. Отдыхайте».

Девочек поселили в левую часть этажа, а мальчиков – в правую. Вместе с сильным полом на их половине будет жить Мухён, а с нами – Мира.

На этой ноте мы с ключами в руках и трепетным благоговением открыли дверь в нашу с Катей комнату, и, к абсолютной радости женщин-работниц общежития, которые также приветствовали нас в лобби и на этаже, по всему зданию разнеслись восторженные вопли.

Комната выглядела просто чудесно!

Отличный номер с кондиционером. Горячая вода и чистые кровати с большими подушками. Два письменных стола и два вместительных шкафа под одежду и постельное бельё. Прекрасный вид из огромного панорамного окна на зелёные высоты, аккуратное здание школы и волейбольную площадку. Туалет и ванная не на этаже, а в комнате. Что ещё для счастья надо?

Честно говоря, я бы приравнила наше общежитие к среднестатистическому трёхзвёздочному отелю европейского стандарта. Оно не просто превзошло наши ожидания – оно перепрыгнуло их, ненароком дотянувшись до Луны!

Мы с Катей, не переставая заливисто смеяться, вскочили на кровати, но матрасы оказались твёрдыми, как камень, и мы, ахнув, плюхнулись на них лицом вниз. Но даже это не испортило наше прекрасное настроение, поэтому мы с удовольствием растянулись на постелях во весь рост.

Наслаждаться лежачим положением нам удалось недолго: в дверь постучала Мира и попросила через пять минут выйти в лобби, потому что обслуживающий персонал хотел устроить экскурсию и показать, что есть в общежитии и какими удобствами можно пользоваться.

Мы с Катей восторженно переглянулись: от былых опасений о качестве проживания не осталось и следа, появилось только тёплое чувство сладкого предвкушения.

Времени на распаковку чемоданов не было, поэтому мы просто оставили их стоять посередине комнаты и, предвари-

тельно вымыв руки (одно из самых приятных ощущений – чистые руки и тёплый душ после долгой дороги), вышли в коридор в ожидании Миры и остальных членов группы.

Через пару минут все собрались в коридоре, и под руководством наших сопровождающих и трёх сотрудниц общежития партиями по несколько человек спустились на лифтах на первый этаж, где нам показали небольшой магазин, в котором можно было купить товары за валюту (цены указывались в долларах).

На прилавках красовалось пёстрое разнообразие всевозможных продуктов и предметов гигиены: шоколадные плитки (местные и привычные нам Milka, Ritter Sport), конфеты, снеки (различные чипсы, крекеры), шампуни (в том числе Dove и японские Tsubaki) и, конечно же, любимая корейцами как с севера, так и с юга лапша быстрого приготовления – *рамён*.

Поскольку этот магазин задумывался исключительно под иностранцев, все цены в нём были весьма завышены, особенно по сравнению с городскими магазинами, поэтому впоследствии мы там крайне редко что-то покупали (только если совсем ленились выходить из общежития).

Затем сотрудницы провели нашу группу на другую часть этажа, где предлагались неожиданные услуги: баня, сауна, тренажёрный зал, мужская и женские парикмахерские, прачечная. Оказалось, что всем можно пользоваться бесплатно, кроме парикмахерской – там за стрижку взималась сим-

волическая плата. На стене женской парикмахерской висел постер с фотографиями разрешённых причёсок (местным можно ориентироваться на стили исключительно из этого списка), и одна из девочек в нашей группе в шутку пообещала, что сострижёт свои длинные волосы под северокорейское каре, но в итоге даже не рискнула подровнять кончики.

В каждом из этих заведений нас встречали работники, которые мило улыбались и старались во всём угодить. Пол был вымыт до блеска, всё кругом сияло. Дошло до того, что на многочисленных плазменных телевизорах, развешанных по всему первому этажу вместо картин с природой, включили российских исполнителей (например, крутили клипы с Полиной Гагариной), а также караоке с русскими песнями.

Было приятно, что нас встретили так радушно, и мы с благодарностью улыбались корейцам в ответ.

Кстати, про телевизоры получилась целая история – как оказалось, они висели по всему общежитию и также стояли в каждой комнате. Но плазма у нас в номере не работала, потому что, как сказал Мухён, к ней требовалась отдельная антенна, которую нам надо было купить самим.

В итоге мы её приобрели, но телевизор по-прежнему не показывал. Скорее всего, он был сломан, однако за всё время нашей стажировки его так никто и не удосужился починить. Зато у других ребят из нашей группы после покупки антенны можно было смотреть местные каналы.

Экскурсия по общежитию заняла почти час, потому что

каждый сотрудник считал своим долгом сказать пару приветственных слов, а Мухён и Мира вызвались быть нашими переводчиками. К концу променада все порядком подустали и хотели есть, поэтому наши сопровождающие предложили подняться в столовую и поужинать.

Столовая находилась на втором этаже общежития и была условно поделена на две части: первой являлся непосредственно сам общепит, где готовили еду для студентов-иностранцев и где можно было спокойно посидеть и поесть, а вторая представляла собой что-то наподобие ресторана – там еду можно было выбрать по меню и приобрести за отдельную плату.

Когда мы зашли в помещение, в первой части сидела группа студентов из Китая, а во второй – несколько северокорейцев среднего возраста.

Рядом с ними стоял директор, который, как обычно, разговаривал по телефону (интересно, кто это ему постоянно названивал?).

В столовой работала система самообслуживания: сначала нужно было подойти к стойке с поварами, которые выдавали поднос с едой. Затем мы занимали места за длинными железными столами, на которых стояли большие пиалы с варёным рисом.

Видимо, нас очень хотели удивить и произвести приятное впечатление, потому что на ужин приготовили голубцы (немного острые, но вкусные), сладкий бисквит (что-то на-

подобие запечённого хлеба с сахаром) и суп (который мне пришлось незаметно, чтобы никого ненароком не обидеть, выплюнуть, потому что оказалось, что он сделан из сырых яиц, а я не ем яйца).

В целом в столовой всегда подавали несколько блюд на выбор, и можно было найти что-то на свой вкус. К моему сожалению, в корейской кухне много продуктов, которые я не употребляю (яйца, курица), а ещё приготовленная еда могла оказаться слишком острой, поэтому выбирала пищу я, как правило, весьма осмотрительно.

Во всём помещении стоял едкий, неприятный запах, от которого поначалу даже подташнивало. Предполагаю, что он образовался вследствие использования большого количества ферментированных продуктов и острых специй. Запах поначалу сильно отбивал аппетит, но со временем мы привыкли и почти перестали обращать на него внимание.

Ко всем блюдам всегда подавали варёный рис, поэтому ела я в основном мясо (когда предлагали не курицу), рис и овощи.

Одна из девочек в нашей группе не умела есть палочками (если честно, я тоже не обладала достаточными навыками обращения с ними), и она решила спросить Миру, нет ли в столовой вилок.

Мухён напрягся и засуетился; после похода на кухню он, весь сжавшись, извиняющимся голосом сказал, что из приборов есть только ложки и палочки.

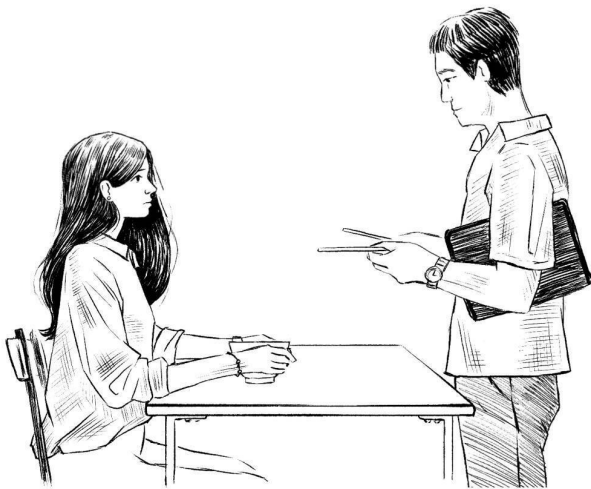
Директор, который к тому времени закончил разговаривать по телефону, перешёл из части столовой, отведённой под ресторан, туда, где сидели мы.

Он спросил Мухёна, в чём дело, и последний, напрягшись ещё больше, пояснил, что одной девочке из группы нужна вилка, так как она не умеет есть палочками. Видимо, он слишком перенервничал, потому что вместо моей одноклассницы, которая попросила злосчастный прибор, указал на меня. Директор повернулся в мою сторону и, едва сдерживая улыбку, взял палочки у меня из рук, принявшись терпеливо демонстрировать, как правильно их нужно держать.

Я вспыхнула и начала возражать, что это не я не умею ими пользоваться. От смущения я забыла весь корейский, поэтому сказала об этом Мухёну на русском. Смутившись, он перевёл мои слова директору. Тот и бровью не повёл, сказав, что я держу палочки неправильно, тем самым заставив меня вспыхнуть ещё больше.

Я, не поднимая на него глаз, взяла их, как он показал. Он довольно кивнул, сказав Мухёну, уши которого напоминали цвет яркого красного мака, что вилок в столовой нет.

– Тебе не понравилась еда? – спросил директор по-корейски, указав на нетронутый суп.

– Понравилась, – смогла выдать из себя я, не понимая, почему я не могу выдать ничего нормального по-корейски и почему именно в этот момент решила забыть все слова, которые учила до этого.

Директор слегка покачал головой, развернулся и пошёл к поварам, которые краем глаза привлекли его внимание.

С красными щеками я кое-как доела ужин. Директор, конечно, выглядел добрым, но количество неловких ситуаций, в которые я за последние несколько часов умудрилась попасть у него на глазах, заставили меня окончательно ощутить себя не в своей тарелке. Знаете, бывает такое чувство, когда ты на подсознательном уровне понимаешь, что перед тобой

– хороший человек, и поэтому ты не хочешь попадать впро-
сак или показаться перед ним глупой. Учитывая то, что я ни
разу не видела директора до этого дня, такие мысли казались
нелепыми и немного детскими, но я ничего не могла с собой
поделать.

Возвращаясь к рассказу о нашем новом месте прожива-
ния, хотелось бы упомянуть ещё пару моментов. В обще-
житии помимо нас жила большая группа китайцев, кото-
рые приехали обучаться в университете на бакалавриате. Им
предстояло прожить в Северной Корее четыре года, и к это-
му моменту они проучились всего несколько месяцев.

Зачастую мы встречали китайских студентов в столовой и
пытались отбить у них хлеб на завтрак. Это была отдельная
забавная история: китайцы приходили есть и забирали весь
хлеб не только со своих столов, но и с наших, поэтому, ес-
ли мы не добивались до лакомства раньше них, то оно нам
не доставалось вообще (звучит прямо как северокорейская
версия «Голодных игр» среди студентов-иностранцев).

После ужина мы почувствовали ещё большую сонливость
и уже подумывали про чистую кровать и долгий сон, но
Мухён предложил сходить прогуляться, и наше любопытство
взяло верх над усталостью.

Быстро забежав в комнату и переодевшись, мы с Катей
спустились в лобби общежития. Остальные ещё не подтяну-
лись, поэтому мы сели на кожаные диванчики – слишком
уставшие, чтобы даже разговаривать.

Каждый раз, когда открывались раздвижные входные двери, нас обдавало потоком горячего воздуха с улицы, несмотря на то, что уже вечерело и солнце зашло. В лобби работал кондиционер, и ждать остальных ребят и наших сопровождающих внутри было гораздо приятнее, чем стоять в духоте снаружи.

Когда наконец вся группа собралась, мы в сопровождении Мухёна и Миры вышли на улицу и словно погрузились в иной мир.

Первое, что бросилось в глаза, – это огромное количество людей. Когда мы проезжали мимо этого же места днём, по раскалённому тротуару шла всего пара человек, а теперь и пешеходная, и проезжая часть были заполнены гуляющими или куда-то идущими корейцами.

Поскольку в Северной Корее машины ездят не так часто, многие местные шагали прямо по проезжей части. Сначала это нас очень удивляло, но со временем мы обжились, привыкли и сами стали частенько выдвигаться на середину дороги вместо узкого тротуара.

Несмотря на то, что контингент был совершенно разнообразный (начиная от маленьких детей и заканчивая бодрыми и боевыми старичками все были одеты примерно в одной цветовой гамме).

Мужчины-рабочие носили тёмные штаны с белыми майками или серыми рубашками (верх необязательно был серым, но всегда неброским). Также мы часто встречали воен-

ных – в неизменной форме и фуражках.

У всех мужчин-корейцев были примерно одинаковые стрижки: классический коротко подстриженный бобрик (мне сразу вспомнился постер с фотографиями рекомендованных причёсок из парикмахерской на первом этаже нашего общежития).

И женщины, и мужчины в Северной Корее – довольно привлекательные. Даже по сравнению с южными соседями нельзя сказать, что на севере люди уступают им по красоте.

В Южной Корее гораздо больше развит культ «искусственной» красоты (например, это нормально, что многие школьники после выпуска часто делают пластические операции, чтобы исправить внешние изъяны или недостатки). В Северной Корее, конечно, такого нет, и люди выглядят максимально естественно, что придаёт им определённый шарм, изюминку.

Примечательно, что северные корейцы элегантно и равномерно стареют. Женщины и девушки, которых мы видели на улице, были одеты разнообразней, чем мужчины, однако самый распространённый образ среди студенток и работающих девушек – это чёрная юбка и белая рубашка. Так одевались многие учащиеся в нашем университете.

Интересно, что у парней-студентов внешний вид дополнялся ещё красными галстуками, которые являлись неотъемлемой частью формы в университете имени Ким Ирсена; обучающиеся были обязаны носить их каждый день.

Женщины за пятьдесят одевались в основном подобно советским бабушкам. В целом внешний вид их был неброским и лаконичным. Почти все представительницы прекрасного пола ходили на каблуках совершенно разного типа: от небольших танкеток до высоких шпилек. Частенько под туфли надевали белые носки или эластичные гольфы.

Нам даже встретилась дама средних лет с цветными кружевными носками под короткие туфли. Смотрелось это, конечно, немного дико, но, помимо интереса и любопытства, никаких негативных эмоций не вызывало. У многих была сделана химическая завивка; те, кто постарше, носили короткие причёски, те, кто помоложе, в основном стриглись под каре.

Видимо, с возрастом любовь к кудрям распространялась на кореянок как с юга, так и с севера, потому что, увидев импозантных северокорейских бабушек с короткими вьющимися локонами, мне сразу вспоминались пожилые дамы с юга, которые часто появлялись в дорамах, – те выглядели точно так же.

В своё время обе страны пошли по полярным путям развития, поэтому было вдвойне забавно и интересно находить подобные сходства в культуре.

Все взрослые носили значки с вождями – Ким Ирсеном и Ким Чениром – на левой части груди, прямо над сердцем. У всех они были разной формы: у кого-то круглые, у кого-то в виде развевающегося флага. Также у некоторых было нане-

сено изображение одного вождя, у некоторых – двух.

У студентов из университета имени Ким Ирсена имелись свои значки, которые, как рассказал Мухён, вручаются при поступлении, и мы сразу заинтересовались, получим ли мы их тоже.

Мухён снова заметно смутился и сказал, что точно не знает, но может попробовать уточнить у руководства университета.

Я обратила внимание, что Мухёну не очень нравилось, когда мы задавали вопросы, что-то пытались попросить или узнать. Наверное, в это время он прокручивал в голове, как каждую просьбу ему придётся обсудить с директором, и, помня, как он его боится, я не была удивлена такой реакцией.

Мира в этом плане меньше подавала виду, но у меня сложилось впечатление, что она мало что решает, так как она была младше Мухёна, а возраст в Корее играл важную роль при распределении иерархических полномочий. Если мы задавали какие-то вопросы, то она или сама отвечала на них, или переспрашивала Мухёна. Предположу, что на ней лежало меньше ответственности за нас, чем на Мухёне, который, скорее всего, напрямую обо всём докладывал директору.

В любом случае, мы подумали, что было бы здорово, если бы нам выдали значки, как у местных, потому что это невероятно редкая и ценная вещь, но меня терзали смутные сомнения, что это вообще разрешено, так как мы – иностранцы, а для северокорейцев вожди приравнены чуть ли не к

СВЯТЫМ.

Несмотря на то, что солнца уже не было и в помине, духота и влажность не спали, поэтому уже через пару минут прогулки не самым быстрым темпом моя футболка прилипла к телу от пота, а прямые волосы распушились, и любые попытки их пригладить заканчивались неудачей.

Мухён, видимо, окончательно оправившись от разговора с директором, осмелел и начал рассказывать о районе, в котором нас поселили. В принципе, он просто повторил то, что мы уже слышали ранее.

Район этот был совсем новый, строительство общежития также закончилось недавно, поэтому во многом люди, живущие здесь, всё ещё обживались. Строился он относительно долго, и открытие было произведено в максимально торжественной обстановке под предводительством Ким Ченына, который собственноручно разрезал красную ленточку.

Мы шли по жилому кварталу с новостройками-многоэтажками, пока вдалеке не показались величественные небоскрёбы, также выкрашенные в бело-зелёный цвет под стать цветовой гамме всего района.

Мухён сказал, что купить квартиру в одном из таких элитных домов невозможно, потому что они построены по программе социального жилья, которое дарит государство лишь избранным гражданам – «за выдающиеся заслуги». По его словам, там жили в основном профессора из университетов, преподаватели и врачи, так как эти профессии пользовались

здесь наибольшим почётом.

Как мы поняли, в этих домах жило большинство преподавателей из университета имени Ким Ирсена. Интересно, будут ли наши учителя тоже оттуда, и кто вообще будет вести у нас занятия?

Нам до сих пор никто не рассказал, чего ожидать от пар и чем мы на них будем заниматься, а ребята с прошлых стажировок как-то тактично ушли от подробного ответа, поэтому нам оставалось довольствоваться исключительно догадками и предположениями.

Мы с восхищением рассматривали впечатляющие конструкции, а наш Савелий даже присвистнул. Не знаю, что я ожидала от Северной Кореи (принимая во внимание количество противоречивой информации, почерпнутой в интернете, и различные страшилки, которые там публиковали, невольно ждёшь нечто иное), но явно не такого современного облика.

Район действительно впечатлял – в нём располагались многоэтажные дома, которые по красоте и размеру ничуть не уступали московским новостройкам, но света в окнах виделось не так много.

Мы решили пройти чуть ближе к небоскрёбам – для этого нужно было пересечь длинный пешеходный мост над широкой многополосной дорогой, по которой ехали машины. Конечно, если сравнивать местные дороги с загруженной Москвой или с Сеулом, в которых постоянные пробки, то можно

сказать, что здесь почти не было автомобилей. Однако если провести параллель с дорогой около нашего общежития, то, без должного преувеличения, движение можно было назвать оживлённым.

Перед небоскрёбами раскинулся небольшой парк, и вдалеке виднелась детская площадка, но до них всё ещё было далеко, а Мухён сообщил, что нам пора возвращаться, учитывая, что в общежитии скоро начнётся комендантский час (в 21:00 нужно быть на месте и находиться внутри здания – согласно указаниям директора).

Мы были сильно уставшими после дороги и покорно повернули назад, но я втайне понадеялась, что в дальнейшем удастся подойти поближе и посмотреть, как выглядит придомовая территория небоскрёбов и как там живут люди.

Упомяну ещё пару моментов, которые я отметила для себя по пути назад. В первую очередь, то, к чему я так и не смогла привыкнуть, – это взгляды местных.

На улицах на нас все постоянно смотрели, многие оборачивались, некоторые показывали пальцем. Конечно, наша компания в шортах и разноцветной одежде выбивалась из однотонной толпы и привлекала очень много внимания. Куда бы мы ни пошли, везде нас преследовали взгляды.

Не могу сказать, что на нас смотрели недружелюбно – в лицах читались скорее любопытство, удивление и интерес. Некоторые со стороны могут принять не улыбку, а улыбаются северных корейцев (а они действительно почти не улыбаются).

ся) за враждебность, однако мне кажется, что это такие люди сами по себе – занятые своей жизнью и не считающие нужным тратить время на улыбки прохожим. Иностранцы для них являлись диковинкой, чужаками, поэтому и местные относились к нам со вполне объяснимой опаской.

Мне стало интересно – если у нас рассказывают столько страшилок про Северную Корею, наверняка им тоже преподносят пугающие истории про нас? Тогда подобная реакция на нашу группу нашла бы ещё одно объяснение. Но Мухён, конечно, никогда бы не сказал правды, поэтому я оставила своё любопытство при себе.

Многие группки людей сидели на бордюрах большими компаниями и разговаривали. Для нас это было в диковинку, потому что в России так уже давно никто не делает. Как только мы появлялись в поле их зрения, а затем проходили мимо, все резко умолкали и взоры устремлялись в нашу сторону. Порой нас так усиленно сверлили взглядами, что мне становилось совсем некомфортно и возникало отчаянное желание стать невидимкой или хотя бы слиться с толпой.

Помимо пешеходов, улицы пестрили велосипедистами (не слишком старательно объезжавшими тех, кто шёл по проезжей части – в том числе наших ребят, которым чуть не отдавили пару раз ноги).

Мира рассказала, что в Северной Корее ездить на велосипеде просто так нельзя – сначала необходимо зарегистрировать его, получить номер и своеобразные водительские пра-

ва.

Сделано это было не для того, чтобы ограничить передвижение на велосипедах, а лишь для удобства поисков на случай кражи. Мы согласились, что это действительно резонно, так как тогда легко можно проверить транспортное средство по базе данных и по камерам наблюдения вычислить угонщика. О наказании, которое будет грозить воришке, мы тактично не стали спрашивать, хотя в моей голове с трудом укладывалась сама мысль о том, что кто-то захочет нарушать закон в Северной Корее.

Во время нашей прогулки я старалась делать фотографии, которые передали бы уникальную атмосферу и самобытность открывающихся перед нами сцен и пейзажей, а также местный колорит северокорейцев. Нас попросили не фотографировать военных и портреты вождей, поэтому к исполнению своей задумки я подходила максимально аккуратно и осторожно, чтобы ненароком не захватить в кадр ничего из вышеперечисленного. Данный запрет Мухён объяснил как дань уважения лидерам страны и представителям вооружённых сил Северной Кореи.

К девяти часам мы вернулись в общежитие уставшие, но довольные, что всё оказалось не настолько страшным, как это представлялось, помылись и уже было хотели завалиться спать, но обнаружили, что через открытое окно и небольшую щель в москитной сетке к нам пролезло огромное количество мелких мошек. Так как мы ничего не могли с ними

поделать, решили оставить всё как есть, тихо понадеявшись, что они не будут жужжать и тем более не станут кусаться.

Наши опасения оказались напрасными, и насекомые нас не беспокоили, но спалось всё равно беспокойно, потому что режим полностью сбился из-за резкой смены часового пояса и климата.

Около полуночи в соседнем доме кто-то начал делать ремонт и громко сверлить (про закон тишины здесь, видимо, не знали), а примерно в час ночи какой-то кореец принялся громко петь.

К двум часам все наконец-то успокоились, наступила долгожданная тишина и нам удалось погрузиться в царство Морфея. Однако наш отдых длился недолго, потому что в 6:30 утра мы с Катей подскочили от непонятных резких звуков. Сначала мы подумали, что что-то случилось и где-то завывала сирена, но, немного придя в себя после сна и прислушавшись, поняли, что это не сигнализация, а... музыка! Открыв окно, мы с удивлением обнаружили, что на здании детского сада напротив общежития висит рупор, из которого льётся громкая мелодия. Несмотря на ранние часы, на улице было полным-полно народу, и все шли по своим делам.

Поскольку впоследствии нас неоднократно посещали различные ночные приключения, которые не давали спокойно спать, мы с Катей в шутку называли КНДР «страной, где сон тебе только снится».

Часть 4. О вентиляторе и «Интуристе»

Итак, несмотря на то, что будильник у нас был заведён на половину восьмого, день начался рано благодаря надрывающемуся рупору. Неприлично громко играла непонятная мелодия. Прислушавшись, я пришла к выводу, что это детские голоса, которые распевали что-то вроде мотивационно-патриотической песни.

Не знаю насчёт мотивации, но у нас её так рано утром точно не было. Особенно после непродолжительного сна и сложнейшего перелёта. Музыка играла в течение двух часов, и мы уже не знали, куда деться, чтобы хоть ненадолго спрятаться от душераздирающих звуков и не заработать головную боль.

Ранним утром жизнь в Пхеньяне кипела так же бурно, как и в вечернее время. Детишки-пионеры в красных галстуках и белых рубашках спешили в школу с рюкзаками наперевес, молодые парни и девушки-студенты держали путь в университет, а рабочие встречались огромным и весьма внушительным коллективом около детского сада и с лопатами и сумками направлялись вместе на завод; велосипедисты сильнее нажимали на педали, чтобы не опоздать на работу.

Эта картина чем-то напомнила мне кадры из «Служебного романа», где в самом начале показывают, как все спешат по своим делам.

Пока рупор разрывался, мы решили спуститься на первый этаж, чтобы позавтракать. Нам дали какую-то рисовую кашу на воде, яйцо и кусочек хлеба. Я грустно пожевала сухое тесто и, придя в номер, выпила чай с сушками и печеньями, ко-

торые мы с мамой благоразумно упаковали и положили мне в чемодан. По сравнению со скудным завтраком это показалось целым пиром.

Я уже предполагала, что мне будет нелегко полноценно питаться, учитывая, что я не ем яйца и курицу, поэтому оставалось только надеяться, что их будут предлагать не каждый день, и что я смогу есть что-нибудь другое.

После завтрака мы решили зайти к Мухёну и уточнить, во сколько он пойдёт с нами в университет, потому что мы условились, что он даст с утра более подробные вводные относительно времени.

Заглянув на «мужскую половину», мы с Катей постучались к Савелию и Мухёну, которых поселили вместе и которых не было видно на завтраке. Сонный Савелий открыл нам и, судя по внешнему виду, у него тоже выдалась тяжёлая ночь. Он сказал, что Мухён с самого утра куда-то ушёл и обещал вернуться позже. Мы пожалы плечами и пошли обратно к себе: раз так, то он знает, где нас найти.

Не успели мы войти и удивиться тому, что за ночь почти все мошки куда-то пропали, как в дверь постучали.

На пороге стояла Мира, которая выглядела свежей и выспавшейся, и с улыбкой попросила через полчаса собраться на первом этаже. Мы поблагодарили её и в назначенное время спустились в холл.

Там уже стоял директор, а рядом с ним по стойке смирно – Мухён. Мы поздоровались, поклонившись руководителю.

Он кивнул в ответ, и его взгляд задержался на тёмных кругах под моими глазами. Вполне представляю, что после такой короткой ночи и после двух часов громкого рупора я не выглядела как выспавшаяся принцесса.

После того, как все были в сборе, мы двинулись в университет, который представлял собой высокое многоэтажное здание с бесчисленным количеством корпусов и огромной прилегающей территорией.

Со стороны кампус больше походил на парк, чем на учебное заведение. Там было высажено множество зелёных газонов и высоких деревьев, в которых нестройным хором громко стрекотали цикады. Вдоль асфальтированных дорожек красовались разноцветные агитационные плакаты и постеры с кричащими лозунгами.

Каждый кусочек газона был прикреплён к определённому факультету и находился под его ответственностью и попечением. Факультеты обязаны были следить за своим участком, регулярно стричь, поливать и поддерживать его в надлежащем виде.

Я обратила внимание, что подобное разделение обязанностей в части ухода за газонами довольно распространено в Северной Корее и не ограничивается только учебным заведением.

В жилом квартале, мимо которого мы проходили по пути в вуз, напротив каждого многоэтажного дома были также выстланы зелёные газоны. Они делились на размеченные крас-

кой маленькие участки. За каждый из них отвечал определённый жилец, обязанный за ним ухаживать.

Рано утром мы частенько видели, как бабушки-корейки сидели в середине газона, стригли его и поливали из разноцветных пластиковых ведёрок. Северная Корея гордится своими идеями единого сильного народа и сплочённой нации (особенно принимая во внимание коммунистические агитки и лозунги на них, как во времена СССР), и, на мой взгляд, эта идейность проявляется именно в таких маленьких вещах.

Кстати, забавно, что из-за того, что все ухаживали за своими участками в разное время, где-то трава была недавно подстрижена, а где-то уже порядком выросла, поэтому везде она оказывалась неравномерной длины.

Корпус, в котором мы должны были учиться, находился в самой дальней части территории университета, поэтому нам пришлось изрядно попотеть под уже палящим с утра солнцем, пока мы не добрались до кампуса и не спрятались под навесом. Шагали мы в полной тишине: все ребята из нашей группы были слишком уставшими и невыспавшимися, Мухён молчал, потому что шёл рядом с директором, а последний тихо разговаривал по телефону (опять).

Поднявшись по лестнице, мы зашли в здание. На входе красовался огромный портрет Ким Ченына на священной в Северной Корее горе *Пэктусан* (*Пэктусан* также является самой высокой точкой на корейском полуострове), который

занимал всю стену от пола до потолка. Он стоял на заснеженном склоне, и его короткие волосы, по задумке автора, колыхались на сильном горном ветру.

Под картиной стоял вентилятор, который был направлен на полотно и создавал впечатление, что волосы вождя развеваются. Спецэффект или случайность? История об этом умалчивает, поэтому решайте сами.

Мухён и Мира остановились перед портретом и поклонились, а директор убрал телефон и склонил голову. Мы неловко помялись, потому что не знали, что нам следует делать, пока руководитель не поднял подбородок и не поманил нас за собой.

Лифты в университете выглядели точно так же, как в нашем общежитии – новые и блестящие, с изображением ракеты. Мы нажали на кнопки на обоих, но, видимо, попали в студенческий час-пик, потому что они останавливались на всех верхних этажах и никак не хотели спускаться.

В ожидании кабины все переминались с ноги на ногу под пристальным взглядом директора и, кажется, начинали превращаться в Мухёна и перенимать его повадки. Взгляд руководителя снова остановился на тёмных кругах под моими глазами, и он, вежливо улыбаясь, подошёл ко мне со словами:

– Как спалось сегодня?

Видимо, он решил надо мной подтрунить, учитывая, что по мне (да и не только по мне, но и по нам всем) было видно,

«как нам спалось».

– Нормально, – несколько сухо ответила я, ибо объяснять по-корейски, почему мы не очень хорошо спали, у меня не хватало ни смелости, ни словарного запаса.

Он скептически поднял бровь, но ничего не сказал и отошёл.

В этот момент сзади меня кто-то дёрнул за край платья, и я резко обернулась. Там стояли Савелий и Кирилл, которые, едва сдерживая хохот, подвывали от смеха.

– Вы чего? – спросила я.

– Судя по количеству внимания, кажется, кто-то к тебе неровно дышит, – выдал Савелий.

– Не говори глупостей, – отрезала я, невольно покраснев.

– А ты сама посмотри, – не унимался он. – Он подходит *только* к тебе и разговаривает *только* с тобой.

– Это не более чем совпадение, – сухо сказала я и отвернулась, всем своим видом показывая, что тема закрыта и разговор окончен.

– Я тоже ещё вчера обратила внимание, что он часто на тебя смотрит, – шёпотом сообщила мне Катя, убедившись, что Савелий и Кирилл нас не слышат.

Конечно, у меня даже в голове не укладывалось, что я могу понравиться директору или что-то в этом духе. Сама мысль о том, чтобы мыслить в категориях «нравится – не нравится» казалась абсурдной.

Сложно было определить, сколько ему лет на самом деле,

но мне показалось, что наша разница в возрасте составит не менее двух десятков. И вообще, мы в Северной Корее, и он – представитель руководства...

Несмотря на логичность моих умозаключений, отдалённый голосок в голове говорил, что Савелий прав относительно слишком повышенного внимания директора к моей персоне. Размышляя, я нервно закусил губу и из-под своих длинных волос украдкой глянула на товарища Тэсона. Он, нахмурившись, писал кому-то сообщение на телефоне.

В итоге, приняв во внимание все составляющие, я пришла к такому выводу: наверное, он просто запомнил меня из-за всех неловких ситуаций в аэропорту и казуса с чемоданами перед общежитиями.

Об этом я сказала Кате, но она ничего не ответила и просто пожала плечами: неубедительно.

Наконец лифт приехал, и нас к стене отодвинула толпа китайских студентов, которые в последний момент ровно перед закрытием дверей забежали в кабину и решили все разом попытаться в неё втиснуться.

Как селёдки в бочке, мы оказались прижатыми друг к другу, но из-за такого количества людей кабина запротестовала, и послышался писк. Признав поражение, несколько китайцев обречённо вздохнули и вышли из лифта, который с благодарностью утих. Двери закрылись, и мы поехали на седьмой этаж, где располагалась аудитория.

Китайские студенты вышли с нами, но пошли по коридору

в другую сторону, а наша группа стала рассматривать учебное помещение. Комната была не очень большой: четыре ряда деревянных парт и стульев, интерактивная и обычная доски, кафедра для преподавателя и два вентилятора, которые весело гудели, стараясь охладить горячий от палящего солнца воздух, проникающий с улицы. За всей этой идиллией наблюдали портреты вождей, которые висели на стене над доской.

Директор и Мухён, вышедшие из аудитории, вернулись в сопровождении трёх преподавателей. Мы сразу повскакивали со своих мест и начали активно кланяться. Кажется, их это весьма позабавило, потому что они едва сдерживали улыбки, но, с другой стороны, вроде и понравилось, поэтому наше усердие того стоило.

Мухён и Мира сели за парты, а директор вышел в коридор, так как ему снова позвонили.

Преподаватели сказали, что хотели бы посмотреть на наш текущий уровень корейского и устроить небольшое тестирование. Мы нервно заёрзали на твёрдых стульях.

Один из профессоров – пожилой мужчина с невероятно добрыми глазами, одетый в белую рубашку и тёмные брюки – вызывал каждого из нас по очереди. Нам нужно было встать с места, когда мы отвечаем (сразу вспомнилась школа), представиться, сказать пару слов о себе и ответить на вопросы.

Передо мной было два человека, и после знакомства с

каждым наши имена заносились в журнал. Наконец очередь дошла до меня, и я встала, надеясь, что на нервной почве не забуду весь свой словарный запас корейского языка.

– Как вас зовут? – с улыбкой спросил кореец с добрыми глазами.

– Меня зовут Диана, – ответила я, радуясь, что первый вопрос я поняла без запинок.

– Не могли бы вы повторить, пожалуйста? – переспросил он.

– Диана, – повторила я ещё раз, уже с меньшей уверенностью.

– А, Чиана, – сказал он и начал делать пометки у себя в журнале.

– Нет-нет, Диана, – поправила его я.

– Да, я так и записал – Чиана, – с улыбкой кивнул кореец, и я сдалась. Отныне в Северной Корее я стала Чианой, и с момента знакомства все называли меня именно так.

На самом деле, здесь дело не в том, что преподаватель меня не расслышал, а в том, что корейцам по правилам фонетики было тяжело произнести «т» или «д» совместно с буквой «и». Поэтому получилось, что выскочила буква «ч».

– Садитесь, Чиана *тонму*. Приятно познакомиться.

Тонму – северокорейский вариант слова «товарищ», используемый для лиц младше собеседника. Если человек старше, то необходимо сказать *тонджи*, что означает «старший товарищ». Прямо как в СССР.

Я села, немного удивлённая, что он не стал больше ничего спрашивать. В таком же духе кореец прошёлся по оставшимся участникам нашей группы, пока все имена не были занесены в журнал.

Занятий как таковых у нас в этот день не было: преподаватели сказали, что мы можем идти обратно в общежитие. После того, как они проанализируют наш уровень, решат, какие учебники выбрать и кто у нас будет вести.

На этой ноте профессора вместе с директором удалились, а Мухён сказал, что проводит нас обратно.

Мы были несказанно рады, что можно вернуться в кровать и немного отдохнуть после бессонной ночи, но на середине пути вспомнили о насущной проблеме: здешние розетки были необычными – тройными, с узкими отверстиями, которые никак не подходили к нашим гаджетам.

Поскольку всем был нужен переходник, Мухён предложил пройтись по местным магазинам.

Путь лежал через школу, где мы наблюдали очень интересную картину: множество детей в купальных костюмах и шапочках делали зарядку под руководством женщины-преподавателя. Мы так и не поняли, почему они были так одеты, потому что группа на другом конце поля бегала в обычных футболках и шортах, однако потом решили, что, скорее всего, при школе имеется бассейн, и часть занятия проводится именно там.

В целом школа представляла собой красивое, современ-

ное здание, выполненное в оранжевой цветовой гамме. На ней красовалась патриотичная надпись: «Давайте учиться ради Северной Кореи».

Я заметила, что на многих зданиях висели подобные растяжки. Например, на детском саду необычным шрифтом была отрисована фраза «Мы счастливы».

Агитационная деятельность играла в Северной Корее важную роль: постеры с мотивационными надписями красовались почти везде (на зданиях, на дорогах), а с утра играли песни, в которых тоже содержались патриотические слоганы, отражённые на билбордах.

Магазин хозяйственных товаров находился напротив школы, и мы с интересом принялись рассматривать разношёрстный ассортимент, начиная от телевизоров с клавиатурами и заканчивая ракетками для настольного тенниса и детскими игрушками. Это немного напомнило концепт сети «Fix Price», где за невысокую цену можно было откопать всё и даже больше.

При помощи Мухёна мы нашли нужные переходники, и каждый купил себе по штуке. Всё это время, пока мы выбирали, что нужно, продавец и немногочисленные покупатели внутри магазина косились на иностранных посетителей и даже не пытались скрыть любопытные взгляды.

Мухён был тоже не рад такому вниманию, потому что сложилось впечатление, что он спиной пытался закрыть нас от зевак и максимально быстро решить вопрос с продавцом по

оплате.

Северокорейских вон у нас всё ещё не было, поэтому продавцу с исключительно недовольным видом пришлось принять доллары. В качестве сдачи мы получили северокорейские воны и леденцы.

Мухён пояснил, что, когда в магазине нет мелкой сдачи, то иногда её дают жвачкой, конфетой или леденцом.

На вопрос Савелия, можно ли этим же расплатиться в магазине, сопровождающий не отреагировал, подумав, что это просто шутка (как оказалось, Савелий спросил на полном серьёзе и впоследствии попытался в ресторане дать вместо мелких денег сладости. Дамы на стойке его тактично развернули, а мы изрядно посмеялись).

Когда переходники были куплены, и мы снова вышли под палящие лучи летнего светила, на лице Мухёна читалось видимое облегчение. Я мысленно представила, как он будет рассказывать директору, что сумасшедшие иностранцы спрашивали, можно ли в магазине дать конфеты вместо денег, и невольно улыбнулась.

Солнце стояло в зените, на небе не было ни облачка, и на улице буйствовала удушающая жара. Некоторые корейки шли под элегантными зонтиками с ажурными краями и бахромой, и я одобрительно кивнула, потому что моя тёмная макушка нагрелась в ту же секунду, как я вышла из тени.

Перебежками от одного тенистого места до другого мы добрались до общежития. На нас была летняя одежда – платья,

юбки, шорты, но мы всё равно обливались потом.

Не представляю, как по солнцу мог невозмутимо идти Мухён в длинных чёрных штанах и белой рубашке, надетой на майку. Судя по его равнодушному виду, он был уже привыкшим и не особо обращал внимание на удушающую жару.

Мухён предложил после обеда съездить в центр Пхеньяна. Он рассказал нам, что для иностранцев есть услуга, в рамках которой можно купить сим-карту и звонить за границу, но продаётся она только в определённом магазине.

Мы воодушевились и решили коллективно скинуться на сим-карту (потому что тарифы были баснословные – рассчитанные на иностранцев, понятное дело), чтобы имелась хоть какая-то возможность общаться с родственниками.

От мысли, что, возможно, очень скоро я услышу голоса родителей, на глазах выступили слёзы.

Мы быстро пообедали, переоделись и вышли в холл в ожидании Мухёна. К нашему удивлению, он пришёл не один – его сопровождал худой северокореец с острыми чертами лица и слегка выющимися волосами, аккуратно зачёсанными у лба. Видимо, это был очередной специально обученный сопровождающий, приставленный к иностранцам. Выглядел он старше Мухёна, и дедукция в этот раз меня не подвела: последний представил его как своего друга и сказал, что он учится на пятом курсе университета (Мухён учился на втором, а Мира – на первом). Как и директор, он не говорил порусски, а тихо переговаривался с Мухёном на корейском.

Имя нашего нового знакомого я не запомнила (впоследствии пришлось переспросить, и он представился как Манбок). Одет он был так же, как Мухён, поэтому я предположила, что так выглядит летняя униформа в нашем университете.

Длинной колонной мы двинулись в сторону станции метро, которая находилась примерно в километре от общежития. На улице было намного меньше народу, чем с утра. Видимо, дети всё ещё занимались в школах, а взрослые находились на работе.

Мы прошли мимо жилого дома, напротив которого стоял большой стенд со свежим выпуском газеты под стеклом; небольшая кучка людей перед ним читала новости. Я взяла себе на заметку, что можно приходить и читать выпуски не только для практики корейского, но и в надежде узнать что-то интересное про Россию, если здесь освещают события в мире.

Тем временем мы дошли до метро, и первое, что бросилось в глаза, – это схожесть архитектуры с московскими станциями, построенными во времена Советского Союза. Турникеты выглядели весьма старомодными: с самодельными лопастями, которые больно бьют по ногам и животу, если пытаешься проскочить без билета. Эскалаторы – довольно длинные, так как станции располагались глубоко под землёй, и очень похожи на отечественные.

Стражами порядка в метро выступали не улыбчивые воен-

ные, которые внимательно наблюдали за нами, пока Мухён и его друг пропускали нас по своим проездным. Мы хотели сами купить билеты и начали вяло протестовать, но Манбок был неумолим, сказав, что не видит смысла тратить время на покупку билетов, если можно просто пройти по их проездным.

Сокрушаясь по поводу того, сколько поездок ему придётся потратить на всю группу, мы прошли через турникеты и с лёгким недоумением посмотрели на число 946, горевшее на табло, – именно столько у него осталось на счету. Мне стало интересно, какой максимум вообще можно получить на проездной, но Манбок не говорил по-русски, а мой корейский пока что не позволял с уверенностью задать подобный вопрос, поэтому любопытство пришлось оставить при себе.

Мы ступили на длинный эскалатор, который медленно двигался вниз, и нас окутал прохладный воздух и запах рельсов. Поездка сопровождалась многочисленными взглядами прохожих.

Люди провожали нашу группу глазами, многие оборачивались, а один парень, идущий по эскалатору, так вывернул шею, что на выходе споткнулся и чуть не упал. Даже маленьким детям было интересно: на руках родителей они выгибались и приподнимались, чтобы рассмотреть получше иностранцев. К такому повышенному вниманию было тяжело привыкнуть; на нас смотрели как на нечто невиданное и неслыханное, будто мы – диковинные зверушки в зоопарке.

В метро разрешалось фотографировать всё, кроме подъезжающих поездов. Я пожалала плечами: кому интересно фотографировать тёмные туннели? Гораздо больше меня заинтересовали мозаики и фрески, которыми были выложены стены станции, демонстрирующие будни вождей, – Ким Ирсен среди детей-пионеров, Ким Ирсен в окружении счастливых рабочих...

От разглядывания деталей меня отвлёк резкий свист, и я обернулась, увидев регулировщицу с жезлом и свистком во рту. Такие девушки стоят на станциях и следят одновременно как за порядком, так и за бесперебойным движением поездов.

На секунду мне показалось, что её взгляд обращён в мою сторону, но на деле она смотрела на одну из девочек в нашей группе – Машу, которая, воспользовавшись отвернувшимися Мухёном и Манбоком, навела камеру телефона на туннель.

Смутившись, Маша убрала аппарат, а Мухён тихо её отчитал, сказав, что так делать ни в коем случае нельзя и что нарушать запреты очень некрасиво с её стороны.

Притихшие, мы ждали состава; через минуту послышался рёв, и вскоре показался бледно-зелёный поезд с красной каймой. Дизайн немного напомнил советские составы, которые курсируют по Сокольнической ветке метро в Москве.

Манбок галантно раздвинул двери, которые, оказывается, было нужно самостоятельно открывать с внешней стороны,

и организованной толпой мы ввалились в вагон, обитый деревом; на стене висели два портрета вождей. Состав был почти пустой, и мы расселись по свободным сиденьям.

Корейцы, около которых приземлились мальчишки из нашей группы, сразу заметно напряглись и начали с подозрением коситься в их сторону, однако вставать или отодвигаться не стали.

Поезда в северокорейском метро ездят тихо, сиденья комфортные, поручни крепкие – только вай-фая и объявления станций для полной картины не хватало.

Если вспомнить поездку по эскалатору, то на нас смотрели многие; в вагоне же абсолютно все взоры были обращены в нашу сторону. Так вот, значит, как себя чувствуют знаменитости на публике.

Каждая голова была повернута к нам, а некоторые корейцы, сидевшие в самом дальнем конце состава, даже приподнимались со своих мест, чтобы лучше разглядеть диковинных иноземцев.

Какой-то малыш подбежал к мальчишкам и, с детской простотой внимательно осмотрев их, вернулся к маме и спрятался за её спиной. Судя по её взгляду, она была недовольна поступком сына и, неодобрительно покачав головой, крепко взяла его за руку.

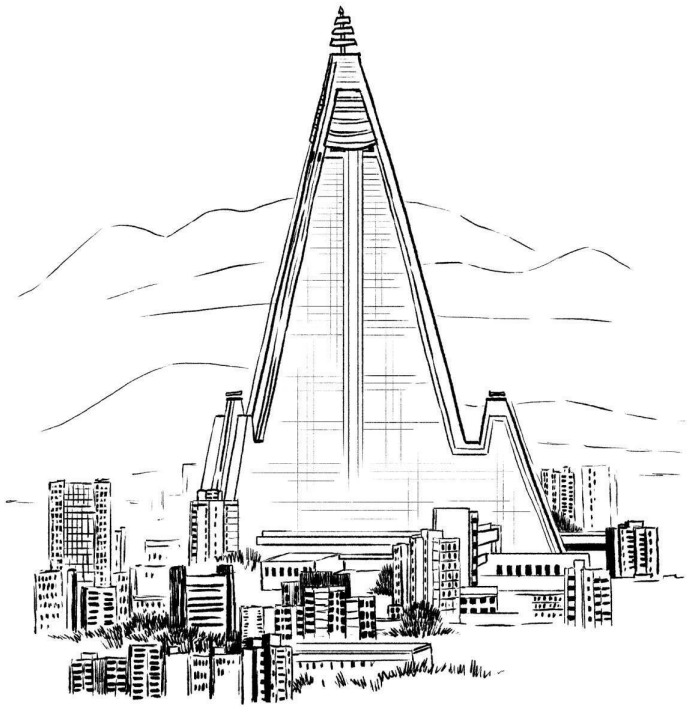
Прошло около минуты, и вот мы уже прибыли на следующую станцию. Видимо, она находилась ближе к центру города, потому что в вагон вошла целая толпа корейцев, в

том числе пожилые женщины и дети. Как добропорядочные граждане, мы повскакивали со своих мест, чтобы освободить их и уступить только что зашедшим пассажирам, и присоединились к Мухёну и его товарищу, стоявшим в углу вагона.

– Ну что вы, сидите-сидите, – заверещал Мухён, однако мы настояли на своём, и ему пришлось признать поражение. Мне показалось, что он был приятно удивлён, хотя и старался не подавать виду, однако от моего взора не укрылось, как он одобрительно кивнул, посмотрев на Манбока.

Состав заполнился до краёв, и мы оказались прижатыми к стенке (уже второй раз за день, между прочим). Проехав ещё две станции, мы наконец вышли из метро.

К тому моменту, как мы снова оказались снаружи, солнце зашло за облака, однако это ни капли не уменьшило удушающую жару и влажность. Резкий яркий свет заставил нас зажмуриться, и, как только глаза немного привыкли, мы дружно ахнули, так как перед нами возвышалась величественная серая пирамида в форме ракеты – не что иное, как знаменитая гостиница *Рюгён*.

Мухён с видимым удовольствием рассказал, что эта гостиница построена лично под предводительством Ким Ченына. В ней – 105 этажей и обширный номерной фонд. Фасад полностью готов, однако внутри ремонт ещё не закончен, и сейчас активно ведутся работы по завершению строительства. По словам Мухёна, открытие ожидают в самое ближайшее время – возможно, даже в этом году.

Я ничего не сказала, однако меня одолевали сомнения, что здание смогут ввести в эксплуатацию так быстро. До поездки в КНДР я читала много книг и статей, в том числе про гостиницу *Рюгён*. По информации из разных источников строительство фасада было закончено уже давно, однако коммуникации не подведены и ещё оставались внутренние отделочные работы. Строительство было временно заморожено из-за нехватки материалов и финансирования, поэтому на тот момент гостиница являлась самым большим пустующим зданием в мире.

Со времени моей стажировки прошло около шести лет, а *Рюгён* до сих пор пустует и радует горожан лишь захватывающей дух подсветкой, которую включают в тёмное время суток.

Прищурившись, я внимательно пригляделась к необычному облику ракеты и, убедившись, что на горизонте не маячит ничего запрещённого, сделала несколько фотографий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.